

Мечты не должны быть погребены под слоями
сомнений

Мария Петренко

КТО ТАКОЙ МАЛКОЛЬМ ПЭРРИШ?

16+

Мария Сергеевна Петренко

Кто такой Малкольм Пэрриш?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42112523

SelfPub; 2019

Аннотация

Ученик закрытой мужской академии "Вестфилд" находит в парте письмо, написанное практически тридцать лет назад. Почему старое послание настораживает юношу? Проведя небольшое исследование, он расспрашивает учителя английской литературы – мистера Говарда – о его бывшем однокласснике, ходячей легенде – Малкольме Пэррише. Вместе с героем читателю предстоит услышать рассказ о дружбе и жизни таких не похожих друг на друга людей. Трогательная история о настоящей дружбе, мечте и стремлении к свободе, которое становится гораздо важнее душевного спокойствия.

Содержание

Меня зовут Малкольм Пэрриш	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	68
Глава 14	73
Глава 15	78
Глава 16	83
Глава 17	89

Carpe diem. Ловите момент, мальчики. Сделайте свою жизнь экстраординарной.

©Робин Уильямс, «Общество мёртвых поэтов», 1989 г.

Меня зовут Малкольм Пэрриш

Здравствуй.

Когда мне было 5, я был уверен в том, что стану лётчиком и буду пролетать над странами и морями внутри огромной железной птицы. Я мечтал стать смелым и бесстрашным пилотом, который будет пролетать рядом с птицами в небесах, оставляя позади белые следы, которые будут разрезать облака. В 10 лет я мечтал стать бизнесменом в огромном офисе с большими окнами и стеклянным столом, за которым я буду подписывать кучи бумаг, которые будут приносить мне огромные деньги.

Сейчас мне 17, и я совсем не знаю, что буду делать со своей жизнью. Кто знает, что ждёт впереди: военная академия, самый престижный университет страны, а может и... нет, это глупости. Сейчас я готов поставить под сомнение любое своё слово, любую свою мысль, любой совет, который я давал кому-либо за всю свою жизнь. Я не уверен в том, что я поступал правильно хоть когда-то.

А о чём мечтаешь ты? Уверен, что в наше время мечты были намного проще. Мне кажется, что через пару десятков лет никому не будут нужны учёба в самых серьёзных школах, работа в самых больших компаниях, дома в самых «зелёных» районах. Времена меняются, а мальчишки остаются мальчишками.

Меня зовут Малкольм Пэрриш. Глупо звучит, правда? Именно поэтому друзья зовут меня по фамилии. Я правда не люблю своё имя, ну, по крайней мере сейчас. Я ещё слишком молод для обращения "Малкольм". Приятно познакомиться.

Сейчас мне 17, и я совсем не знаю, что буду делать со своей жизнью.

03/24/1989

М. П.

Глава 1

Кто такой Малкольм Пэрриш?

– Мистер Уилсон, вы хотите чем-то поделиться со всем классом?

– Что?.. Нет, мистер Говард, простите.

Мистер Говард укорительно покачал головой, придвинул очки поближе к переносице и продолжил читать вслух главы из какой-то старой и скучной книги.

Патрик Уилсон вновь уткнулся в старое письмо, найденное в парте. Как оно могло пролежать почти три десятка лет и остаться нетронутым временем? Юноша просто свернул загадочное послание и сунул его в карман пиджака.

Как только звонок с последнего урока перестал трезвонить, по всем коридорам мужской академии хлынул поток вопящих подростков, сносящих на своём пути всё: учителей, подставки под зонты и растения и друг друга. Однако же, через пару минут разрушительный ураган юнцов стих, и в академии наконец-то воцарились тишина и спокойствие.

Патрик сосредоточенно смотрел куда-то вдаль и постукивал ручкой по подбородку.

– Хэй, пирожок Пэтти, чего задумался? Алгебра воодушевляет на глубокие мысли и великие свершения? – Доминик Холл, только войдя в комнату, бросил скомканный кусок тетрадного листа в Патрика, пытаясь вернуть друга в ре-

альный мир.

– Доминик, чёрт возьми! – парень вздрагивает от неожиданности и недовольства из-за того, что его отвлекли от размышлений.

– Да ладно тебе, не злись. О чём задумался, приятель? – Доминик, тряхнув рыжими волосами, присаживается на свою кровать.

– Послушай, задам очень странный вопрос. Ты не знаешь случайно, кто такой Малкольм Пэрриш?

Доминик удивлённо вскидывает бровь, но в то же время направляет свой взгляд куда-то вбок, вспоминая что-то.

– Вот слышал это имя где-то, но никак не вспомню где. А кто это?

– Вот в том-то и дело, что я понятия не имею. Я рылся в парте на уроке английской литературы, а там было это, – Патрик достаёт из кармана конверт и протягивает его Доминику.

– А мешка с золотыми ты там не нашёл? – прищурившись, Доминик принимает из рук друга старый конверт.

– Очень смешно, Холл.

– Знаешь, друг, мы можем просто найти выпускной альбом 89-го года и найти этого Пэрриша там.

Парни по-тихому проскальзывают в коридор, чтобы не попасться на глаза коменданту. В библиотеке всегда спасали только карманные фонари, там почти всегда были задёрнуты шторы и было ужасно темно.

Чтобы найти старые альбомы, не понадобилось много времени: для них всегда выделялся отдельный стеллаж, где по годам были расставлены выпускные альбомы прошлых лет.

В пыльном альманахе 89-го года характеристика Малкольма Пэрриша выделялась среди его сокурсников: она была написана красиво и аккуратно, какими-то блестящими чёрными чернилами, каждая буква была выведена и подчеркнута.

«Малкольм Пэрриш

13 апреля 1972 года

Отличник, главный редактор газеты академии, образцовый и прилежный ученик. Вежлив, пунктуален, серьёзен, послушен. Гордость семьи, учителей и друзей. Ни разу не уличён в нарушении дисциплины и правил академии...»

– И бла бла бла... Хм, да он был прямо идеалом, судя по всему, – ухмыльнулся Доминик.

Далее шли комментарии учеников, наверное, друзей Малкольма. Это уже мало интересовало. Но среди них была фамилия «Говард».

– Не мистер ли Говард с ним учился? – Патрик был озадачен.

– Да тут кроме фамилии ничего и нет, только клякса. Ручка, наверное, соскочила. Да и Говардов немало в Америке, думаю.

– Здесь вообще нет ничего интересного больше, кроме этого. Но что-то всё равно не так. Я это чувствую...

– Почему же? Вроде всё понятно – отличник и паинька.

– Вот именно! Ну не может человек с таким описанием не знать, как он будет жить. К тому же, это же восьмидесятые – тогда для человека было известно уже всё: от карьеры юриста или медика до жены и спокойной жизни в хорошем доме.

– И чего же ты хочешь, Уилсон? – Доминик размял шею, лениво потягиваясь и зевая.

– Завтра же спрошу о нём у мистера Говарда. Я уверен, это именно он учился с ним, – Патрик закрыл альбом и решительно направился к выходу.

– С ума сошёл?! Тебе потом влетит и за библиотеку ночью, и за то, что ты на уроке ерунду читал вместо того, чтобы размышлять о Байроне и Шекспире.

– Всё равно мне, Доминик. Пусть влетит, – Патрик встал и стремительно направился к выходу из тёмной библиотеки.

– Да не дури, Патрик! Ну, ерунда же это, ну! – Доминик еле-еле поспевал за другом.

– Дак я же не заставляю тебя идти со мной завтра. Это мне интересно, я взволнован, а ты иди и дальше уроки в курилке прогуливать.

– А вот это было уже обидно, Уилсон, – Доминик по-дружески дал подзатыльник Патрику, – Я просто не хочу огреть вместе с тобой. Потом расскажешь.

– Ну и трус же ты, Доминик!

Споря, парни уже успели дойти до своей комнаты и уснуть. Патрик прокружился всю ночь, пытаясь совладать со

своими спутанными мыслями. Он надеялся, что мистер Говард – учитель литературы – был именно тем Говардом, который оставил свою подпись под характеристикой Малкольма Пэрриша.

Глава 2

На следующий день после урока Патрик Уилсон, взяв всю свою смелость в кулак, подошёл к мистеру Говарду и спросил, кто же такой всё-таки был этот Малкольм Пэрриш. В мгновение учитель помрачнел.

– Это очень долгая и печальная история. Пойдём в мою комнату, я скажу остальным учителям, что ты выполнял мои поручения и не пришёл на их уроки именно поэтому.

В комнате мистера Говарда было уютно, но строго, там пахло деревом и кофе. Налив Патрику чашку крепкого кофе, мистер Говард продолжил.

– В 80-х он был лучшим учеником академии, душой компании, им гордилась семья, ему пророчили успешное и счастливое будущее. Я в то время был его одноклассником и лучшим другом, почти братом.

Малкольм Пэрриш был личной знаменитостью академии: образцовый ученик, всегда вежливый, никогда не спорил с учителями, не пропускал ни одного урока. После выпуска я понял, что такие парни популярны среди женского пола: он был худощавым, не особо высоким, с тёмными волосами и серыми глазами, носил очки для зрения, почти закрывающие широкие брови, а с наступлением весны у него на носу и щеках появлялись веснушки. Казалось бы, обычный парень, но что-то в нём было такое, что притягивало людей прямо

магнитом.

На самом деле он не был таким пайнкой, как многие думали: просто бунтовал он тихо, незаметно, скорее, внутри себя, «выражал внутреннее несогласие», как сказали бы учителя обществоведения.

Иногда он выглядел очень печальным, но мне всегда казалось, что он просто думает о чём-то. Никогда не замечал грусти и озадаченности в его глазах. Через пару лет я понял, сколько же отрешённости было в этих глазах, но об этом позже.

Всю его жизнь, увы, недолгую, рассказать я не смогу: мы познакомились, когда нам было по 16. Думаю, именно этот период жизни Пэрриша будет тебе интересен.

Наша дружба походила на взаимоотношения ребят из «Общества мёртвых поэтов»: мы были соседями по комнате, вместе читали книги, которые никак не относились к школьной программе, вместе рассуждали о чём-то высоком. В очень редкие моменты нас бывало трое: я, Малкольм Пэрриш и Грегори Диккенс.

Мы были совсем непохожими друг на друга: пухлощёкий (хотя он был довольно худым) Грегори был мечтателем до мозга костей, я в 16 лет уже знал, как сложится моя жизнь, а вот потерю зрения к 45 годам предсказать не смог, а Пэрриш, казалось, даже не задумывался о том, что будет завтра, всегда жил мгновеньем. Хотя, судя по письму, которое ты нашёл, будущая жизнь его всё-таки волновала.

У Пэрриша была хорошая семья. Правда, отец был очень строгим, но его можно было понять: сына ждало большое будущее. Его мать была чистейшей души женщина, она всегда улыбалась, а его старший брат был военным, очень серьёзным человеком, но всё равно он всегда находил время на младшего брата и веселье с ним.

Мы познакомились в 88-м году, когда моя семья решила, что моим обучением в последние годы перед поступлением должны заниматься в невероятно пафосной мужской академии «Вестфилд». Мне несказанно повезло: я стал соседом Малкольма Пэрриша, легенды о котором ходили по всей академии. На деле, когда я вошёл в комнату, за письменным столом сидел сосредоточенный растрёпанный парень в больших очках и твердил что-то на латыни себе под нос. Услышав, что кто-то вошёл, он сразу же поднял взъерошенную голову от книг и широко улыбнулся.

– Привет! Ты – Адам Говард, верно?

– Да, именно... А ты – Малкольм Пэрриш? – я протянул руку для приветствия.

– Просто Пэрриш, – он пожал мою руку и потряс ей, – Не люблю, когда называют по имени – оно слишком сложное, а в сочетании с фамилией звучит как-то несуразно! – Пэрриш улыбнулся и плюхнулся на кровать.

Я выложил вещи, а Пэрриш отдал мне полный комплект учебников, которые теперь должны были стать моими.

Когда в комнату тихо протиснулась кудрявая голова с пух-

лыми щеками, которая, как, оказалось, принадлежал Грегори Диккенсу, Пэрриш познакомил и нас. И вот, нас стало трое: будущие юрист, медик и профессор. На самом деле, я и Малкольм свободно обходились без Грегори: он часто уезжал куда-то и пропускал уроки.

На уроках нагрузки были невероятными: вам сейчас гораздо проще учиться, чем в 80-х или 90-х. Даже учебники стали легче, а информации в них столько же. Учёбу Пэрриш не очень любил, но островком эмоциональной разгрузки и счастья для него был урок английской литературы. Он всегда с радостью читал и писал, брал дополнительные задания. В такие моменты он был настолько счастлив, насколько человек может быть таковым. Однажды он сказал мне, что хотел бы связать свою жизнь с литературой, но сразу же он понял, что это бредовая идея: отец никогда не разрешит будущему юристу писать «рассказики и стишочки». Но Пэрриша это не волновало, ведь можно же заниматься писательством непрофессионально; к тому же, его отец бы не узнал о хобби сына: родители практически никогда не приезжали. Всё, что происходило в академии, оставалось в академии.

Пэрришу хотелось свободы прямо сейчас, а не после окончания учёбы, как говорил его отец. Конечно же, все мы жили в ежовых рукавицах родителей, а в крови играли гормоны, душа требовала бунтарства. Мне кажется, ты понимаешь, о чём я говорю. Подростки во все времена мыслят и действуют одинаково.

Он был мыслителем, таким, которые рассуждают о том, что же такое свобода для человека, что она для каждого своя, и человек должен считать смыслом своей жизни полную свободу. Для него было 2 вечных темы для разговора: свобода и мечта.

Думаю, предысторию я закончил. Теперь я буду пытаться вспомнить последние месяцы, которые мы провели вместе.

Глава 3

Малкольм рассказывал о своей жизни так увлекательно, что казалось, будто бы я знал его всю свою жизнь.

Родился он 13 апреля 1972 года, его отца зовут Роберт, а мать – Аманда. Появлению Малкольма был рад и трёхлетний Декстер, его родной брат. Детство Малкольма было счастливым: они с братом постоянно гуляли на улице, играли в подвижные игры и помогали родителям, в основном, маме. Отец Пэрриша был ужасно строг, и вся жизнь мальчиков была расписана. Декстера он любил больше, чем Малкольма, и давал ему чуть больше свободы.

– Ну, свобода – понятие растяжимое. Так что, брат просто мог выбрать, каким именно спортом ему заниматься.

Малкольм говорил так живо, размахивал руками и корчил такие смешные рожи, что я смеялся, не переставая.

– Мама называла меня «самым шkodливым ребёнком в мире, Малкольм, слезь с дерева, поранишься, ай, ты уже порвал брюки, Боже, за что мне такое наказание». Ну, сам представь, какое же детство без сбитых коленок? Я постоянно пропадал где-то на улице, на озере возле моего дома. Брат был серьёзней, но не на много.

Когда его отправили в «Вестфилд», я очень скучал. Очень сильно. Мне казалось, что моего лучшего друга у меня забрали навсегда. Я понимал, что он может приехать в любой мо-

мент, остаться на выходные, и веселье вновь появится в нашем доме. Однажды я по привычке вскочил рано-рано утром и со всех ног бросился в комнату Декстера, чтобы разбудить его, но увидел лишь пустую постель и закрытое окно. Тогда я взобрался на его кровать, а она была очень высокой, уткнул лицо в подушки, которые ещё пахли шампунем брата, и зарыдал. Я настолько привык к нему, что уже не представлял ни дня без брата, без наших игр и шалостей. Я умолял отца забрать брата из академии хоть на день, но он был непреклонен. Тогда я стал меняться, как выразилась мама: я ходил неприкаянным, а когда меня звали погулять соседские дети, я нехотя соглашался и ходил с кислой миной или одиноко сидел на качелях.

Время шло, но брат не приезжал. В апреле, на мой 6 день рождения родители устроили такой праздник! Было всё: и шарики, и вкусный торт, и веселье. Родители пообещали сделать мне самый лучший подарок, который я смогу только представить. Я ждал Декстера, наконец-то я проявил хоть какую-то долю былой активности. И вот – самый разгар вечера, мой отец встаёт и произносит торжественную речь. Они с мамой проводят меня с закрытыми глазами в гостиную, я открываю глаза, и... Вижу велосипед. Понимаешь, велосипед. Не брата, а чёртову двухколёсную машину! Слезы тут же покатались из моих глаз, и я рванул в свою комнату, вопя на весь дом. Отец тогда лишь попросил всех разойтись и налил себе виски, а мама пришла ко мне и долго гладила

меня по голове, пока я не уснул.

Утром мне не хотелось выходить из своей комнаты, но, когда я открыл глаза, в комнату вошёл Декстер. Я в ту же секунду прыгнул на него, радостно повторяя его имя, мы смеялись и катались по полу в объятиях друг друга. Я тогда взглянул на отца, но тот не выдал ни одной эмоции, как и всегда. Брат хоть и был щуплым 9-летним мальчишкой, но уже выглядел гораздо старше, чем два года назад. Тогда мы провели весь день вместе, а к ночи он уехал. А я глядел за этим в окно, за тем, как моего братца снова увозят.

Проходили месяцы, даже годы, я уже повзрослел, и меня отдали в «Вестфилд». Не поверишь, но я долго не мог завести друзей, очень долго. Я не хотел отвыкать от жизни дома, от брата и игр в любой момент. Мне было ужасно непривычно жить и учиться по строго установленным правилам, со строгим распорядком и дисциплиной. Тебе повезло, ты учился в самой обыкновенной школе почти всё время; говорят, что вам гораздо легче было учиться, но гораздо тяжелей приспособиться к порядкам академии.

На самом деле, он был не прав: я никогда не испытывал трудностей с тем, чтобы приспособиться к новому месту и новой среде обитания. Конечно же, мне, человеку из простой семьи, который провёл 11 классов в самой обыкновенной школе недалеко от дома, было непросто свикнуться с тем, что я не смогу сбежать с урока без последствий, что не смогу видаться с родителями каждый день, что не смогу опоздать

и найти какое-нибудь глупое оправдание. Мне и в голову не приходило, что мои мозги будут кипеть каждый день целый год.

– Ну, не знаю, как остальные, но я сам по себе человек гибкий. Только теперь я не смогу убежать с урока, чтобы мне не влетело, да ещё и как.

Хохотал Малкольм заразительно и звонко. Не знаю, что же такого смешного я сказал, но он рассмеялся на всю академию, наверное. В нашу комнату даже заглянул какой-то парень из соседней комнаты и покрутил пальцем у виска, а затем пожал мне руку, сказал: «Кори Леонард, капитан команды по плаванию» – и ушёл.

– Тот ещё фрукт! – крикнул Малкольм так громко, чтобы Кори услышал, – А говорят, что не тонет...

– Я всё слышу, Пэрриш! – удаляющийся ответный крик заглушил последние слова Малкольма, из-за чего я ухмыльнулся.

– Ну а ты, Адам? – Пэрриш изумительно улыбнулся и зевнул одновременно, – Расскажешь о себе?

– Мне нечего рассказывать особо. Я обычный парень, у меня самая обычная семья, я единственный ребёнок, мой отец – финансовый менеджер, а мама – медик. Мой отец очень любит футбол, а мама любит готовить и выращивать цветы.

– У тебя идеальная семья из старых фильмов. А большой собаки у тебя нет?

– Нет.

– Оу, – Малкольм был немного сконфужен тем, что его шутка не удалась.

Мы проговорили ещё несколько часов, попутно раскладывая мои вещи по шкафам и тумбам, и здороваясь с проходящими мимо ребятами. За этот вечер я перезнакомился с доброй половиной сокурсников и даже некоторыми ребятами помладше. Малкольм рассказывал о каждом, кто проходил мимо, подкрепляя всё смешными историями и интересными фактами о мальчишках и, иногда, учителях.

Глава 4

Мы встретили Рождество и Новый Год с семьями на каникулах. Но даже несмотря на то, что мы с Пэрришем жили на разных концах города, мы смогли пару раз встретиться и прогуляться перед возвращением в академию.

Каким-то печальным он мне показался во время одной из прогулок, каким-то растерянным и взволнованным. Я не стал допытываться до Пэрриша – он сам рассказал бы всё, если бы хотел. Но я должен был его поддержать, что бы ни произошло.

– Послушай, друг, – я положил руку ему на плечо, – Что бы ни произошло у тебя, ты всегда можешь на меня положиться – мы же друзья как-никак.

Малкольм тяжело вздохнул и присел на скамью.

– Отец нашёл мои черновики. Они выпали из моего дипломата.

– Он выбросил их? – я переминался с ноги на ногу, садиться рядом мне не хотелось.

– Нет, не выбросил. Но был большой скандал, – поёжившись от холода, Пэрриш вскочил со скамейки и направил палец в вверх, пытаясь показать своего отца, – Серьёзному парню с серьёзным будущим не пристало заниматься такой ерундой!

– Что такого в этом? Я никак не пойму. Ты же не лезешь

в писатели и не пытаешься бросить учёбу.

– Если я пишу – значит, у меня есть свободное время. А если у меня есть свободное время, – какого чёрта я трачу его не на учёбу?!

Впервые я видел Пэрриша таким. Из него вырвались эмоции. Казалось бы, обычная семейная драма, но что-то в этой ситуации его сильно огорчило. Я был расстроен не меньше, чем он: как оказалось, Пэрриш очень тонко чувствовал, но чаще всего скрывал свои переживания.

Помню, я тогда зевнул, прикрыв глаза всего на мгновение, а когда открыл – Пэрриш, раскинув руки в стороны, рухнул спиной в сугроб снега и расхохотался. Я даже не успел как-то отреагировать, он уже вскочил на ноги.

– Надо, наверное, идти по домам. Завтра возвращаться в академию. Но знаешь, что я тебе скажу? – он толкнул меня в плечо кулаком, – Мы снова сможем стать чуть более свободными.

– А ты снова сможешь писать, сколько захочешь. Только в этот раз не забудь оставить черновики в академии, чтобы потом не было ссор дома.

– Ох, Адам, теперь точно не забуду. Не хочу больше в снег падать, если честно, – Малкольм шёл и кружился на месте, безуспешно пытаясь отряхнуть спину от снега.

Вот так быстро менялось его состояние: от печали до искреннего смеха за пару минут.

По возвращении в учебную жизнь всё встало на круги

своя: снова уроки, снова рутина и снова поздние тихие по-беги в библиотеку за сборниками лирики для сердца и души.

Как только немного потеплело, и на переменах все обы-чно выбегали на улицу, накинув куртки, у Пэрриша начался какой-то психологический подъём. Он стал каким-то фило-софом, рассуждающим о том, какую же роль в наших жизнях играют мечты. Однажды он даже сказал мне: «*Somnia non opus esse sepultus sub stratis dubium*. Мечты не должны быть погребены под слоями сомнений, Говард. Запомни это».

В твоих глазах, Патрик, я вижу вопрос: мистер Говард, а почему же вы не рассказываете ничего о себе? А ответ будет прост и банален: я был самым обыкновенным юнцом с меч-тами об окончании учёбы. В нашей истории я не был таким интересным, как Малкольм.

Так, о чём я говорил? А, точно! Весной Малкольм дости-гал пика своей продуктивности во всём: на письменном сто-ле появлялись кипы книг и учебников, за которыми его было даже не видно, с собой у него всегда был черновик с запися-ми (и не один), на его пропуске в библиотеку не оставалось пустого места. Да, раньше у нас были бумажные пропуска, на которые ставилась печать при посещении библиотеки. Так вот, каждые пару дней Пэрриш заходил в библиотеку, при-носил штук пять каких-то тяжёлых книг, чем пугал библио-текаря. Потом брал примерно столько же, улыбался, закры-вая глаза, благодарил за помощь в получении образования и гордо удалялся на подкашивающихся из-за тяжести ног.

Нередко до комнаты Пэрриш не доходил вместе с книгами – они выпадали из его рук и высыпались прямо возле двери, сразу слышался громкий и полный печали возглас Малкольма о том, как же несправедлива жизнь.

– И вот так каждый раз, понимаешь, каждый раз!

– Рассчитывай свои силы, Пэрриш, – всегда говорил ему я, подняв глаза от учебника, когда он толкал дверь в комнату ногой.

– А что такого? Читать хочется, по учёбе ещё нужно, а по несколько раз я ходить не могу: на пропуске места почти нет. Я же академию разоряю! – раздосадовано говорил он, надевая очки и сядя за написание очередного рассказа.

Я не хочу становиться похожим на тех людей за сорок, бурчащих что-то про «В наше время...», но раньше подростки были более спокойными и дисциплинированными. Возможно, это зависит от места обучения, да и воспитание у всех разное, но всё же, это факт.

Каждый вечер после окончания уроков, когда все расходились по комнатам, в академии наступала гробовая тишина. Кто-то читал, кто-то делал задания, а мы с Пэрришем создавали новые сюжеты. Да, я тоже принимал участие в писательской деятельности, но главенство всё-таки принадлежало Малкольму.

Спустя пару месяцев мы забыли про тот инцидент на зимних каникулах, но всё равно в душе Пэрриша остался глубокий след. Теперь он всё переписывал дважды, одну из копий

отдавал мне. Наши шкафы были забиты кипами бумаги, столы были запачканы чернилами, на печатной машинке почти не было видно букв.

Писательство приносило нам счастье.

– А знаешь, Адам, когда-нибудь я напишу свою книгу, ты напишешь свою. Здорово будет в книжном магазине увидеть на полке с бестселлерами наши имена! – у Пэрриша глаза горели энтузиазмом, а очки отражали солнце мне прямо в глаза.

– Не хочу портить тебе малину, но... Ты понимаешь сам, что это невозможно. Разве нет?

– А ну вспомни, что я говорил тебе недавно о мечтах! Мечты не должны...

– Быть погребены под слоями сомнений.

– Вот и молодец. Знаешь, что однажды сказал Генри Торо: "Если человек уверенно движется по направлению к своей мечте и стремится жить такой жизнью, какую он себе вообразил, то успех придет к нему в самый обычный час и совсем неожиданно». Вот так-то.

Глава 5

Мне кажется, мой рассказ, как и любой другой, не мог бы обойтись без девушки. Как ты думаешь, Патрик?

Вернёмся немного назад. Я уже упоминал, что Малкольм был приятной внешности. И вот, на зимних каникулах я вытягиваю Пэрриша в кино. Если честно, не могу вспомнить, что же мы смотрели. Наверняка, какой-нибудь боевик. После сеанса мы прогуливались по какому-то скверу, а Пэрриш имел довольно странную привычку: шёл спиной вперёд, когда завязывался долгий разговор. Как гром среди ясного неба перед Пэрришем (точнее, перед его спиной) появилась девушка. До сих пор не понимаю, как она умудрилась не сломать нос об его спину: все мы вскрикнули от неожиданности.

До сих пор помню внешность этой девушки: на ней был белый берет, который контрастировал с её тёмными волосами, как и светлая шубка, её носик был вздёрнут немного вверх, а карие блестящие глаза были широко распахнуты от испуга – она была похожа на девочек со старых рождественских открыток.

– Боже, извините, я вас не заметил! Как же стыдно... – Пэрриш сразу же начал извиняться.

– Ох, ничего страшного. Никто не пострадал! Я тоже виновата, нужно было смотреть под ноги, – её мелодичный голос был похож на колокольчик.

– Прошу извинить меня тоже: не предупредил друга, – я потрепал волосы Пэрриша, из-за чего все мы засмеялись.

Как оказалось, этого ангелочка звали Аннабель Отис, и она жила совсем недалеко от нашей академии. Девушка была нашей ровесницей, училась она в самой обыкновенной школе и увлекалась искусством. С нас можно было написать картину: два парня в полосатых шарфах сидят по обе стороны от девушки в белой шубке, которая, к тому же, блестела от лежащего на ней снега. Мы разговорились.

– А как ваша учёба? В академии сложнее учиться, чем в обычной школе?

– На самом деле, да. Сложнее, – рассказывал я, так как Пэрриш учился в академии с детства, а я всё-таки только год, – Учебники тяжелее, нагрузки больше, домашние задания тоже немаленькие. Но ничего, справимся, тут немного осталось.

– Это интернат? Вы там живёте?

– Иногда нас выпускают, как видишь. Амнистия на каникулах и по праздникам, – Пэрриш включил всё своё обаяние.

– А на кого ты собираешься учиться после школы? – мне захотелось узнать хоть немного об Аннабель, ведь говорили мы преимущественно о нас с Пэрришем.

– Я ещё не думала об этом. Может, журналистом: буду брать интервью у знаменитостей и очень важных людей. Да, точно! – девушка широко заулыбалась.

Мы проболтали несколько минут, ужасно замёрзли и ре-

шили переместиться в кафе, которое находилось недалеко. Как я уже говорил, Аннабель была похожа на ангела: у неё были кудрявые тёмные волосы чуть ниже ключиц, её карие глаза на солнце отливали золотом, щёки были розовыми от мороза, а на длинных ресницах ещё не растаяли снежинки. Конечно же, она мне понравилась. Но, как ты, возможно, догадался, её больше привлёк Пэрриш. Она слушала его рассказы, подперев рукой подбородок, и улыбалась.

Спустя несколько часов я дал Аннабель номер телефона академии, и мы разошлись.

– А ты на неё поглядывал, брат, я заметил.

– Всё-то ты видишь, Пэрриш! Но только не буквы в книгах, – я всегда знал, как его подколоть – его зрение хромало.

– Туше, Говард.

После встречи с Аннабель я сильно изменился: отвлекался на уроках, смотрел куда-то вдаль, молчал и думал об этой прекрасной девушке.

– Я понял, в чём твоя проблема, Адам. Ты влюбился.

– А... что?

– Звонили из Рая и спрашивали, не украл ли ты у них ангела и не запер ли её в своих мыслях.

– Прекрати, Пэрриш. Эти твои глупые шуточки, – друг отвлёк меня от размышлений, – Она всё равно на тебя смотрела.

– Не волнуйся, я вне конкуренции. У меня нет на это времени. Завоюй её, ты ж сможешь, – он подмигнул.

– Ох, Пэрриш, ты веришь в меня больше, чем я сам. Спасибо, – я был польщён такой верой друга в меня.

Именно в этом самый главный плюс мужской дружбы: она зарождается очень быстро, и она самая крепкая. Мы учились и жили вместе лишь полгода, но создавалось ощущение, что мы знакомы уже много лет.

Слава Богу, моя успеваемость не стала хуже из-за постоянных размышлений об Аннабель. Хотя, друг смог бы мне помочь: он же был прекрасным учеником, у него получалось всё, за что бы он ни брался.

Однажды после уроков в нашу комнату постучал комендант и сообщил, что мне звонят. Пэрриш удивлённо улыбнулся и закивал головой. Мы стремглав побежали в холл, Пэрриш даже не успел снять очки. Я сорвал трубку.

– Алло?

– Адам? Привет! Это Аннабель, узнал?

– К-конечно, – я начал заикаться, а Пэрриш замахал руками и зашевелил губами, намекая на то, чтобы я продолжал, – Как ты?

– Прекрасно, спасибо. А Пэрриш здесь? Сможешь позвать его к телефону?

– Эм... – я обернулся, Пэрриш махал головой и шептал «Нет!», – Нет, его здесь нет, подойти он тоже не может.

– Оу, жаль. А как у тебя дела? Как учёба?

– Хорошо, всё хорошо, – Пэрриш выдохнул.

– Я записалась на курсы журналистики! Представляешь?

– Молодец, Аннабель. Прости, но мне надо идти, я позво-
ню тебе.

– Хорошо, до свидания.

Она положила трубку. Пэрриш похлопал меня по плечу, он был расстроен не меньше моего.

– Пойдём, братец. Пора делать физику.

– Я же говорил тебе, Пэрриш. Ей понравился ты. Звонила она тебе. Она замешкалась, когда узнала, что ты подойти не можешь.

– Адам, не нужно. Мы всё устроим, я помогу тебе её покорить. Веришь? Не расстраивайся. Давай, улыбнись!

Пэрриш скорчил рожу, а я рассмеялся, хотя и пытался сохранить серьёзное лицо. Про его серьёзность наврали в выпускном альбоме. Даже твой друг Доминик более серьёзен, чем был Пэрриш.

Глава 6

Помнишь тот инцидент на зимних праздниках? Мы с Пэрришем постарались забыть об этом как можно скорее. Однако же, теперь он дублировал все записи, как я тебе и говорил, и стал нервным. Я иногда замечал, как у него дрожали руки. Он стал подозрительным, но старался улыбаться так беззаботно, как раньше. Но я всегда замечал, когда в его глазах были ранее редкие нотки печали.

Однажды мы продумывали сюжет одного из его рассказов вместо того, чтобы делать химию, и дошли до момента, где главный герой должен был, наконец, встретиться со своим отцом.

– Итак, Барнаби стучит в дверь, и... – он опустил взгляд и закусил губу, а затем снял с носа очки и потёр переносицу пальцами.

Малкольма почти ничего не могло вывести из себя, кроме тех ситуаций, когда от него требовали подчинения. Он ненавидел уступать, но в конфликты никогда не ввязывался. «Зачем мне спорить с человеком, если я окажусь правым?» – говорил всегда он, пожимая плечами.

– Ты боишься? Боишься отца? Пэрриш, я могу стать для тебя психологом на пару часов.

– Я не боюсь его. Просто... я устал, понимаешь? – он наклонился вперёд, – Мне 16 лет. И все эти годы я живу так,

как он говорит, как он хочет. Знаешь, какой будет моя жизнь: сейчас я закончу академию, пойду в университет, выучусь на юриста и буду работать в суде, отправлять людей в тюрьмы, даже если они не виновны. Ты знаешь, что такое судебная ошибка? А теперь представь: я отправляю в тюрьму на 20 лет человека, а он ничего не делал. Меня обвинят, я лишусь работы и спокойного существования! Да я буду винить себя всю свою чёртову жизнь! – Пэрриш уже перешёл на крик.

– Я понимаю тебя. Нам хочется независимости и свободы, мы же подростки, – я придвинулся к нему поближе, чтобы успокоить, – У тебя нервный срыв...

– Он говорит, что по окончании учёбы я буду волен делать то, что захочу. Вот только это ложь! Он запрещает мне писать сейчас, запретит и потом, – Пэрриш ходил по комнате кругами.

– А когда ты станешь совершеннолетним? Тогда по закону ты будешь свободен как птица, – я не мог понять, почему я несу какой-то бред вместо того, чтобы помочь своему другу так, как я умею.

– И что?! Мне от него никуда не деться. «Сын, ты должен стать серьёзней!», «Сын, что это за ребячество?», – Малкольм сел на кровать и закрыл лицо руками, – Как я устал, Господи, как я устал...

Меня грызла совесть: я ничем не мог ему помочь. У меня таких ситуаций не возникало, я понятия не имел, что мне делать. Всё, что я мог – это обнять друга, что я и сделал.

Я присел на корточки рядом с кроватью, на которой сидел Пэрриш, и протянул к нему свои руки и обнял. Он выдохнул, наверное, весь воздух, который был в его лёгких, и размяк в моих объятьях.

– Давай отложим этот рассказ, Пэрриш. Ты сейчас совсем не в состоянии делать что-то. Отдохни. Я сделаю химию за тебя.

Он посмотрел на меня: каким же опечаленным он был. Я похлопал его по плечу, и Пэрриш послушно прилёг на кровать. Я приступил к химии и постоянно оборачивался на Пэрриша. Закончил делать химию я довольно поздно и упал на кровать обессиленный и опустошённый. Малкольм довольно быстро заснул, а я уснуть так и не смог: слишком волновался за друга. Я прилёг буквально на пару минут, а проснулся, когда было уже светло: меня разбудил Пэрриш. Он был в хорошем расположении духа, будто бы вчера ничего не произошло.

– Просыпайся, Говард. Спасибо огромное за химию, буду должен.

– Ты напугал меня вчера. Я не мог уснуть, – я размял шею.

– Да что со мной случилось бы во сне? – Пэрриш улыбался, – Скажешь тоже.

Весь день Пэрриш поддерживал меня (в прямом смысле слова), я был разбитым из-за недостатка сна, а Малкольм где-то достал для меня термос с крепким зелёным чаем. Как оказалось, он отжал его у Курта Маккинли, девятиклассни-

ка, заверив, что и термос он вернёт, и с историей поможет. Но, как ты уже догадался, Пэрриш не сдержал ни первого, ни второго обещания. Никогда не любил зелёный чай, но энергией заряжает он отменно.

Бедняга Маккинли в конце дня притоптал в нашу комнату, чтобы заставить Малкольма вернуть ему термос.

– Неужели ты не видишь, что Адам разбит?! Да он буквально засыпает на ходу, посмотри! – Пэрриш, державший меня за руку, легонечко толкнул меня в сторону, а я дёрнулся, так как проснулся.

– А? Что?

– Посмотри на него, Маккинли! Тебе не жалко? Неужели твой термос не может подождать пару дней? – актёр из Пэрриша был не очень, но наивный Курт покраснел.

– Извини, я... Я не знал. Пусть остаётся, я потом заберу! – он махнул рукой и поспешил поскорей удалиться.

Малкольм снова взял меня за руку и подвёл к постели, мягко придерживая за бок. Он усадил меня на кровать, а сам приступил к домашнему заданию, надев свои огромные очки, за которыми, как я уже говорил, почти не было видно его широких густых бровей. Я сразу же провалился в объятия Морфея, а Пэрриш решил отплатить мне за прошлую ночь и сделал всё за меня.

Вообще следующий день должен был быть выходным, чему опустошённые я и Пэрриш были несказанно рады. Я встал часов в 11 вместо положенных в обычный день 6 и за-

стал Пэрриша читающим какую-то книгу из библиотеки. Я невольно улыбнулся, ещё лёжа в кровати, из-за того, каким же смешным казался мне этот парень: поутру он был всегда растрёпанным, сонным и радостным, из-за стекла в очках его веснушки, которые тянулись от уха до уха, казались больше, если он читал – то шевелил губами, повторяя текст. Он заметил мой взгляд на себе и рассмеялся, бросив что-то про "Спящая красавица наконец-то проснулась", а в ответ получил моё "Ой, замолчи!" и смех.

Глава 7

Неожиданно нам решили дать отдохнуть 14 февраля и вы-браться в город. Я решил, что это – мой шанс. С благослове-ния Пэрриша я позвонил Аннабель.

– Алло, Аннабель? Это Адам, – я посмотрел на Пэрри-ша, который выпучил глаза и замахал руками, намекая на то, чтобы я не молчал, – Ты не занята сейчас?

– Нет. Сейчас как раз закончились уроки. А что ты хо-тел? – её голос повеселел.

– Я хотел пригласить тебя в картинную галерею, там сей-час выставка картин импрессионистов.

– Да? Конечно, я с радостью! Когда встретимся?

– Давай через час? Успеешь? – Пэрриш сзади торжество-вал.

– Да, успею! До встречи!

– До встречи.

Мы с Пэрришем завопили от радости одновременно, крепко обнялись и рванули в комнату.

– Итак, мой дорогой друг, по такому невероятно важному для нас обоим событию, я обязан кое-что презентовать тебе. На самом деле, мне подарил это отец, но... понимаешь сам, – Пэрриш достал из шкафа лакированный кейс и открыл его так, чтобы внутреннее содержимое видел только я.

– Галстук? Ты серьёзно? – я рассмеялся и от его пафосной

речи, и от галстука внутри кейса.

– Что?! – Пэрриш молниеносно развернул кейс к себе, – Галстук?! Отец сказал, что там что-то невообразимо полезное и нужное!

– Да ладно, красивый галстук! – я по-прежнему смеялся. Пэрришу было неловко. Через полчаса я был уже у выхода из академии.

– Чего завис? – Малкольм подталкивал меня на улицу.

– Я не знаю, Пэрриш. Я...

– Иди уже! И купи цветы! – он кричал мне вслед и наверняка улыбался.

По пути в галерею я зашёл в цветочный магазин и купил для Аннабель букет белых роз и валентинку. Волновался я жутко, как-никак, первое свидание. Я прождал буквально пару минут, и Аннабель пришла. Пунктуальным был не только я. Мы вошли в галерею, не здороваясь – было холодно.

Она была так же прекрасна, как и в нашу первую встречу. Даже красивее: тёмные волосы были красиво уложены, на ней было светло-розовое платье, как носили в 60-х, а белая шубка вновь блестела от снега. Она скромно улыбалась, а когда я вручил ей букет – даже покраснела. Мы оба были смущены.

Это было самый лучший день в моей жизни, Патрик. Нет ничего лучше, чем видеть, как человек смотрит на что-то прекрасное для него и искренне улыбается. Аннабель рассказывала мне всё, что знала о каждой картине, а мне было

действительно интересно. Я не мог оторвать от неё взгляд.

Мы хорошо провели время, и я предложил проводить её до дома.

– Уже темно. Ты успеешь дойти до академии? – она хлопала своими глазами.

– Дойду, не волнуйся, – я не мог спрятать улыбку.

Вернулся в академию я уставший, но счастливый.

– Ну как, Казанова? – Пэрриш не уснул, ждал меня, чтобы расспросить.

– Мне кажется, что всё может получиться.

– А я что тебе говорил? Я вижу в тебе потенциал, мой дорогой друг. Ты же пригласишь меня на вашу свадьбу? – он ехидно улыбался.

– Конечно же, Пэрриш. А у меня есть выбор?

– Есть: либо ты приглашаешь меня, либо я приду сам, – он говорил об этом так серьёзно, что я поверил, что он сам пришёл бы на мою свадьбу, если бы я его не пригласил.

– Пэрриш, я не верю, что ты сегодня просидел весь день тут. Признавайся, где ты был, – я не собирался ложиться спать.

– Я был дома. Хотел навестить маму пока отец на работе.

– А он был дома, – по его лицу я всё понял.

Пэрриш кивнул.

– Он спросил у меня, пишу ли я до сих пор. Я решил дать ему отпор и сказал, что пишу и не собираюсь бросать. Сказал, что мне всё равно, что он думает, я люблю это дело, и

решать мне.

– И... какой была его реакция? – я был обеспокоен.

Пэрриш опустил голову и закатал рукав рубашки на левой руке: на его предплечье красовался огромный синяк. Я подошёл к нему и взялся за его предплечье; Пэрриш стиснул зубы и закрыл глаза.

– О Господи! Это чем так?! – я был ужасно напуган.

– Книга в 1000 страниц. В металлической обложке.

– Она же сломана! Я отпрошусь у директора и отведу тебя в больницу! – я уже подошёл к двери.

– Стой, Адам. Я уже был у врача. Это не перелом, а ушиб. Мне нужно только перетянуть руку эластичным бинтом. Поможешь?

Я вернулся к другу и перетянул его предплечье и кисть. Я пытался сделать это максимально аккуратно, чтобы не причинить Пэрришу ещё большую боль. Как же мужественно он держался. Но ему было больно, очень больно. Даже не столько физически, сколько морально.

А знаешь, что самое ужасное, Патрик? Я совсем не знал, что мне делать, как помочь. Я боялся за него чуть ли не больше, чем он сам. Осуждать отца, оправдывать сына... понятия не имел.

– Пэрриш, – я посмотрел ему прямо в глаза, – Не пытайся делать вид, что ты об этом не думаешь. Я вижу, что тебе страшно. Мне страшно тоже: и за тебя, и из-за того, что я никак не могу помочь тебе. Точнее, я не знаю, чем тебе помочь.

– Не надо, Говард. Я справлюсь, обещаю. Не надо было из академии вылезать, только хуже сделал. Не буду его злить ещё больше. Главное, ты не ввязывайся, прошу тебя.

Мы просто молча смотрели друг на друга и молчали. Оба беспокоились друг за друга: я боялся по понятным причинам, а Пэрриш молился, чтобы я не полез в эту ситуацию.

Эта ночь прошла спокойно: мы оба спали как убитые. Хотя, мы и так были морально вымученными буквально за час. Было такое чувство, что из нас вытащили все эмоции.

Глава 8

У меня была тайна. Единственное, что я хранил в секрете от Малкольма. Как я уже говорил, я хранил все его черновики и в конце января заказал в типографии печать нескольких копий его книги: для него, для себя и для Аннабель – но ничего не сказал Пэрришу. Собирался сделать ему сюрприз на день рождения.

– Говард?

– М? – я оторвался от химии.

– Ты мне так и не рассказал о вашем randevу, – сосредоточенный на чём-то Пэрриш неожиданно повеселел.

– Ну... Я купил ей букет белых роз и валентинку, пришёл на полчаса раньше, она – спустя несколько минут...

– Неужели ты забыл все эмоции там? – Пэрриш явно был недоволен моим монотонным рассказом.

– Она была очень красива, прямо сияла. Она рассказала мне почти о каждой картине, у которой мы останавливались. Мы пробыли там несколько часов, уже стемнело, и я решил проводить её домой. Она держала меня под руку, чтобы не поскользнуться.

– Единственным произведением искусства, на которое ты смотрел, была она. И всё? – Пэрриш посмотрел на меня из-под очков, – Ни разу не обнял, не поцеловал?

– А должен был? Ты же мне ничего не сказал, великий

покоритель дамских сердец. Прекрати, Пэрриш, мы знакомы сколько? Не больше месяца.

– Но ты уже влюблён по уши, Адам. А я уже подбираю галстук на вашу свадьбу, не разочаровывай друга, – он надо мной издевался.

– Вот сам пойдёшь на свидание, сам будешь делать всё, что захочешь.

– Я не собираюсь тратить время на девушек, мне некогда этим заниматься. Я слишком занят, как видишь.

Он писал всё своё свободное время. Ох, Патрик, как же он был счастлив: с его уст не сходила улыбка.

Однажды произошло то, чего мы с Пэрришем даже не могли представить: нас пришли навестить. И не поверишь, кто – Аннабель. К нам приставили коменданта, мы провели Аннабель экскурсию по академии.

– Это ваша комната? Уютно, – девушка присела за мой письменный стол, – Господи, сколько учебников! Я не заметила в коридорах шкафчиков.

– Здесь шкафчики – это наши руки, – Пэрриш убрал забинтованную руку за спину.

– Я вижу, что руки, Пэрриш. Небось, ты перетягивал, Адам, – девушка улыбнулась.

– Ты угадала, – я засмутился, а Малкольм закатил глаза, что заметила Аннабель, конечно же, и рассмеялась.

– Вы были рождены для того, чтобы стать лучшими друзьями. Вы же идеально друг друга дополняете.

Далее смеялись мы уже вместе.

– Мадам, мы оставим вас на секунду, – Пэрриш поклонился и схватил меня за локоть, – Выйдемте, Говард.

– Что?..

– Пошли, говорю.

Мы отошли на несколько метров от комнаты.

– Прогуляйся, – Малкольм огляделся по сторонам.

– Чего?! – у меня глаза округлились.

– Не бойся. Пройдись пару минут. Я спрошу, что Аннабель о тебе думает. А вдруг ты ей настолько же интересен, как и она тебе. Я её разговариваю, – Пэрриш подмигнул мне и подтолкнул к повороту в коридор.

Через минут 5 Аннабель вышла из комнаты, попрощавшись с Пэрришем. Девушка подошла ко мне.

– Пока, Адам, – она смущённо опустила взгляд.

Я взвесил в своей голове всё и... просто взял её за руки и обнял.

– Пока, Аннабель.

Девушка вздрогнула и улыбнулась. Она только обернулась на прощанье и махнула рукой, прежде чем скрылась за углом.

– Господи, как дети, ей Богу! – Пэрриш был разочарован.

– Вы недовольны мной, мой учитель? Что она тебе говорила?

– Очень недоволен, Говард. Говорила, что её очень обрадовало то, что ты позвонил ей и пригласил на свидание – она

была очень смущена и польщена. А знаешь, что ещё? Она ждала, чёрт возьми, что ты её поцелуешь. В следующий раз ради нас двоих поцелуй её, хорошо?

– Ладно, Пэрриш, – я был рад.

Знаешь ли, Патрик, очень немногие романы в подростковом возрасте заканчиваются свадьбой. А те, которые ей всё-таки заканчиваются, редко не заканчиваются разводом через пару лет. А так как Пэрриш уже был готов организовывать банкет, я изо всех сил старался его не разочаровать.

В академии что-то случилось, вроде утечка газа, или что-то вроде того, и нас распустили по домам на неделю. Пэрришу очень не хотелось ехать домой, но ему повезло – отец уехал на пару недель в другой штат по работе. К тому же, мы каждый день с самого утра где-то ходили и возвращались уже ближе к ночи. Уже становилось теплее, и на улице было приятней находиться, не было необходимости заходить в помещения, чтобы отогреться.

Во время одной из таких прогулок Пэрриш завёл меня в книжный магазин и подвёл к стеллажу, на котором располагались бестселлеры.

– Видишь, Адам? Именно здесь будет моё имя. Вот точно так, как и мы, люди будут стоять здесь и покупать наши книги! – Малкольм был полон энтузиазма.

– Твои Пэрриш, твои, – я улыбался, положив руку ему на плечо.

– Ты что? – Пэрриш обернулся, – А ты? Ты забыл наш

главный завет?

– Нет, что ты! Я предпочту просто помогать тебе, чем писать самому. Это же твоё, целиком и полностью, от начала и до конца. Не моё.

Пэрриш был расстроен, что лучший друг оставляет его в нелёгком писательском деле.

– Это ерунда, Адам. Всё равно твоё имя будет на обложке, даже не сомневайся. Только не подай на меня в суд, если будешь против, хорошо? – Малкольм рассмеялся.

– Не подам, не волнуйся, – на нас уже начали коситься и шикать, я говорил тихо.

Мы ушли, столкнувшись на выходе с какими-то девушками, которые сразу же кокетливо захихикали, когда Пэрриш, извинившись, подмигнул им.

Глава 9

Днём мне позвонил Пэрриш.

– Говард, достань из шкафа что-нибудь приличное и собирайся. Даю тебе полчаса.

– Что?

– Давай, давай, хоть раз в жизни у меня дома побываешь. За тобой приедут ровно через полчаса, – и положил трубку.

Первые минут 5 я просто стоял, нахмутив брови, и пытался понять то, что только что было. Затем я по-быстрому собрался и стал ожидать. Малкольм не соврал: через полчаса к дому подъехала чёрная машина, в которую я сел.

На пороге огромного светлого дома меня ожидал Пэрриш. Он подошёл ко мне, пожал руку и провёл внутрь. Внутри не было дорогих ковров, стены не были завешены картинами полностью – несмотря на размеры, дом Пэрришей не был излишне роскошным. Малкольм познакомил меня со своей матерью.

– Адам, это моя мама – Аманда Пэрриш. Мам – Адам Говард, мой друг и сосед.

– Приятно познакомиться, – я протянул руку.

– Приятно, – миссис Пэрриш была очень приятной женщиной.

Дом Пэрришей был просторным, но каким-то тёмным. Я понимал, почему: сын боялся отца, а мать боялась за сына.

Комната Малкольма была похожа на библиотеку, книги были в шкафу, на столе, возле кровати. Даже на балконе были стопки книг.

– У тебя с балкона видно озеро. Красиво.

– Ага. Всё детство хотелось там поплавать летом, но вода всегда холодная, – Пэрриш подкатил к балкону на кресле на колёсиках.

– Ты не прячешь записи дома? – я повернулся к нему и опёрся на перила.

– Нет, конечно. Они только у тебя и в кровати в нашей комнате в академии. Я больше такой ошибки не совершу.

– Ты боишься?

– Адам, он едва не сломал мне руку книгой в металлической обложке. Как ты думаешь?

Я положил руку ему на плечо. Пэрриш был ужасно уставшим. Уставшим от этого.

Я его обнял.

– Ой, да ладно тебе, Говард. Что ты как девчонка.

– А что? Я должен был тебя пнуть, наверное? – я не смог сдержать смех, – Испортил такой хороший момент! Я же тебя поддержал.

– А вот за это спасибо. Вот только теперь я переживаю: в прошлый раз после поддержки ты не спал, а потом весь день я тебя под руку держал.

– Я не из-за этого не спал, а из-за того, что делал химию за тебя. Но мне не жалко.

– Что я бы без тебя делал... – Малкольм перестал делать вид, что он очень серьёзен и улыбнулся.

Мы ещё о чём-то говорили, точнее, ни о чём. Я спустился вниз, чтобы налить воды, а когда уже подходил к комнате Пэрриша, услышал их с матерью разговор.

– Ты был в больнице? – голос миссис Пэрриш был беспокойным.

– Да, это ушиб. Адам перевязал мне руку. На вопросы отвечал, что из-за учебников получил.

– Малыш, ты теперь боишься возвращаться домой, я знаю. Я сама не знаю, что с твоим отцом: ты же не собираешься бросать учёбу. А я читала то, что ты писал. Ты мог бы стать прекрасным писателем.

– Вот только жаль, что это не случится...

Я спрятался за колонну. Когда мать Малкольма спустилась вниз, я зашёл в его комнату, сделав вид, что ничего не слышал.

– Красиво у тебя, уютно. Твой дом в несколько раз больше моего.

– Тебе в твоём не тяжело находиться, – уверен, если бы Пэрриш был послабее, сейчас он бы пустил слезу.

– Давай, – я сел напротив него и посмотрел ему в глаза. – Выскажись. Расскажи всё, что душу тяготит.

– Вот ты боишься приходить домой, Адам? Я уверен, что нет. Завтра отец возвращается из-за каких-то проблем... – он запустил руки в волосы и поставил локти на колени, – Я

не знаю, что мне делать. Я не смогу не писать остаток недели.

Мне было страшно: у Пэрриша было какое-то эмоциональное выгорание, он ходил кругами по комнате. Я взял его за забинтованное предплечье, Малкольм стиснул зубы.

– Ты будешь жить у меня до понедельника. Твоя мать поймёт, я уверен. Собирайся.

Малкольм молча кивнул головой, а я позвонил домой. Тем же вечером Малкольм уже разговаривал про футбол с моим папой, а потом спокойно спал в моей кровати, а я переместился на кресло.

Пэрриш встал очень рано и объяснил это тем, что я упал с кресла во сне и разбудил его. Бог знает, сколько я ещё пролежал бы на полу, если бы он не споткнулся об меня, когда вставал выпить воды. Он упал, чертыхнулся и проснулся окончательно, а я не отреагировал вообще никак.

– Нет, Говард, так дело не пойдёт. Надо будет тебя либо привязать, либо подушками обложить, чтобы падать было хотя бы мягко.

– А ты хоть как спал? – я потянулся и размял шею, зевнув.

– До того, как я споткнулся и упал, спалось отлично. Самое главное, что спокойно, – Малкольм подошёл к окну, – У тебя хороший отец, весёлый.

– Слушай, давай не будем. Ты здесь для того, чтобы отдохнуть. Не думай о плохом.

Я вышел из комнаты и отправился на кухню.

– Тебе чай или кофе?

– Давай чай, – сонный Пэрриш сел за стол, который стоял возле окна в кухне.

Я поставил перед ним тарелку с блинчиками и кружку с чаем, а сам сел напротив, только с кофе. Впервые за несколько недель я был спокоен за Пэрриша: он уплетал блинчики с джемом и смотрел на зимний пейзаж за окном.

Пэрриш исследовал дом пока я убирался и готовил обед. Я то и дело оглядывался на него; Малкольм включил радиоприёмник, откуда зазвучала «Let's Have A Party». Я знал, что сейчас что-то произойдёт, и оказался прав: Малкольм танцевал, распевая песню на весь дом.

– Давай подпевай, Адам! – он прыгнул возле меня, я чуть не выронил нож.

– Пэрриш!! Я же занят. У меня нож, если не заметил.

– Меньше серьёзности, Говард! – он прищурился, разглядывая какую-то карту, которая висела в гостиной.

Глава 10

– Встречай новый день!

Пэрриш распахнул шторы и сдёрнул с меня одеяло.

– Какого..?

– Да, да, сейчас дам ему трубку, – я только что заметил, что в руке Малкольма был телефон, – Это Аннабель.

– Да?..

– Адам! Прости, если разбудила.

– Да ничего, я уже собирался вставать, – я потирал глаза.

– Чего я звоню. В центре открыли каток. Не хотите с Пэрришем пойти?

– Пэрриш, пойдёшь на каток? – я закрыл трубку рукой; Малкольм кивнул, – Да, пойдём.

– Давайте встретимся у кинотеатра через часа два.

– Отлично, договорились.

Пэрриш сказал, что нужно хоть раз встретиться с Аннабель не в официальных костюмах. Мы так и поступили.

Через полтора часа я (а точнее, моя пунктуальность) вытянул Пэрриша из дома, чтобы прийти пораньше. Он, конечно, упирался, но я всё-таки победил.

– Я всё, конечно, понимаю, Адам: ты человек пунктуальный. Но на улице холодно, а девушки частенько опаздывают, – Малкольм был недоволен, – Мы простоим ещё минут 20, не меньше.

– А вот и нет. Глянь-ка налево, – я заметил Аннабель, махавшую нам.

Малкольм был обрадован тем, что нам не придётся мёрзнуть ещё полчаса на улице. Впервые я видел Аннабель в брюках, а точнее, в джинсах. Она была по-прежнему прекрасна, даже без белой шубки и высоких сапожек.

– Привет, мальчики! Вы очень пунктуальны, – девушка улыбалась во все 32.

– Это не мы, это Адам виноват, – Пэрриш по-прежнему дулся на меня.

Мы с Аннабель закатили глаза, а Пэрриш потянул нас к катку. Я не умел кататься на коньках, чем немало удивил друзей. Так что, они принялись за моё обучение: Пэрриш придерживал меня за локоть, а я, в свою очередь, держал мёртвой хваткой руку Аннабель. Странно, конечно, в 16 лет не уметь кататься на коньках, но, клянусь, мне не доводилось бывать на катке до этого дня. Если честно, я даже сейчас совсем не умею кататься на коньках, чем очень огорчаю жену.

Когда у меня хоть что-то начало получаться, Малкольм отпустил меня и отделился от нас, подмигнув мне.

– Оставлю вас, детки. Давай, Говард, прояви своего внутреннего романтика.

Я не успел сообразить, как Малкольм легонько подтолкнул меня, и я упал, потянув за собой Аннабель. Несмотря на то, что мы рухнули на лёд и ударились, Аннабель рассмеялась, и я тоже не смог сдержать улыбки. Малкольм проез-

жал мимо нас невероятно довольный. Но план Малкольма не удался: я по-прежнему не мог выдавить из себя ничего. Мы уже провожали Аннабель до дома, оставалась пара метров.

– Так, Адам. Либо ты сейчас её поцелуешь, либо это сделаю я. Выбирай.

Он хлопнул по моему плечу и отбежал немного вперёд, оставив нас с Аннабель вдвоём. Она что-то рассказывала, махала руками, улыбалась, а я впервые её не слушал вообще. Когда Аннабель остановилась и спросила что-то, я повернулся к ней, взял её за руку, на секунду замешкался, но... решил, наконец, и поцеловал её.

Вдалеке послышался возглас Пэрриша: «Да!!». Аннабель покраснела и очень смутилась, собственно, как и я. Девушка поблагодарила меня за проведённый день, одарила своей прекрасной улыбкой и ушла.

Я выдохнул и сел, нет, скорее упал на скамью, которая стояла под огромным дубом. Ко мне подбежал Малкольм.

– Ну что, мой друг, я тебя поздравляю! – он тряс мою руку, – А чего это ты так тяжело дышишь, как будто несколько километров пробежал?

– Ноги болят.

– Ну, давай, пойдём домой.

Малкольм придерживал меня, как раненого солдата, из-за чего мы оба смеялись. Дома я рухнул на кровать, еле живой.

– Всё, Пэрриш. Сегодня на кресле спишь ты.

– Чего это? – Малкольм кинул в меня подушку.

– Я умираю, у меня отваливаются ноги и ии.

– Хватит ныть, будь мужиком! – Пэрриш присел на батарею у окна.

– А сам-то?! Я всё равно никуда не уйду, это моя комната, – я отвернулся к стене.

В битве за кровать победил, конечно же, я – её законный хозяин. Я проспал всю ночь и встал, когда Малкольм ещё спал. Он улыбался даже во сне, даже не представляю, что же ему снилось. Я тихо проник на кухню, чтобы не разбудить Пэрриша, и заварил кофе, ноги ныли ещё хуже, чем вчера. Я был ещё сонным, зевал и потягивался, налил две чашки кофе, поставил их на стол, а сам сел на один из стульев и задремал. Когда я открыл глаза, мимо меня проплыл взъерошенный Пэрриш, натянувший на себя одеяло, и сел напротив меня, молча кивнув головой. Мы смотрели друг на друга полуоткрытыми глазами минут 10. Постепенно каждый начал просыпаться, не без помощи кофе, и уже через пару минут я и Малкольм выглядели уже пободрее.

– Адам... Мы же можем продолжить спать? Нам же никуда не нужно?

– Нет... Я тебя поддерживаю. Вот бы так всю жизнь: спать и спать.

Малкольм медленно кивал головой, попивая кофе, а потом прилёг на диван, не снимая одеяла и уснул сразу. Я же кое-как прополз в свою комнату, но до кровати не дошёл. Когда я приоткрыл глаза, на кровати лежал Пэрриш: сон про-

пал из моих глаз мгновенно.

– Вот хитрец! – я с разгона прыгнул возле него, столкнув его с кровати, – Ты же знал, что я усну на полу!

– Говард! – Малкольм бросил в меня подушкой, которая упала рядом с ним, – Ты – чудовище!!

– Мы договорились! Я тут умирал вчера, у меня был сложный день, ноги до сих пор болят! Я тебе кофе сварил, в конце концов!

– Разбудил бы, и ладно, но зачем столкнул?! – Малкольм всё равно был сонным, он бы и стоя уснул.

Глава 11

Мне было обидно от того, что мало знал Пэрриша до нашего знакомства. Я решил расспросить Малкольма об его детстве побольше.

– У меня было обычное детство. Я уже рассказывал тебе, ты, возможно, забыл: я жил там же, где и сейчас, у меня был старший брат, Декстер: сейчас ему 20, и он служит в военной академии. Очень странно, но брата редко ставили мне в пример, почти никогда не требовали того, чтобы я поступал так же, как и Декстер. Раньше. А я хотел бы быть похожим на брата: его не контролировали, он всегда трезво оценивал свои возможности. А ещё у него прекрасная девушка: она учится на врача, частенько носит высокие причёски и готовит пироги. Отца я побаивался всегда, но мне упрощало жизнь то, что он редко бывал дома, был слишком занят работой. Хорошо и то, что он никогда не бил меня, а только ругался. До недавнего времени... Потом меня отправили в академию – я смог свободно вздохнуть. И вот, уже 10 лет моей полусвободной жизни подходят к концу...

Мы собирались на прогулку, а на улице начался дождь. Малкольм выглядел, как идеальный поэт: в больших очках, чёрном пальто на пуговицах и с зонтом-тростью – годах в 20-х он с удовольствием носил бы цилиндры. На улице на него то и дело оглядывались девушки, восхищенно вздыхая.

– Когда я только начал учиться, друзей у меня не было. Я помогал с уроками, но дружбы не водил ни с кем. Потом я познакомился с Грегори, а с его помощью и с другими ребятами. Они считали меня душой компании, но я не был уверен в этом: я не терпел их курения, побегов с уроков – никогда в этом не участвовал. А вот несколько месяцев назад я обрёл настоящего друга, – он повернулся ко мне, приподняв бровь, – Тебя. Я благодарен тебе, Адам. Ты – единственный человек, которому я могу рассказать абсолютно всё: отец не захочет слушать, мать я расстраивать не хочу, а тебе я доверяю на все 100.

Посмотри на дату письма, которое ты нашёл: это было 24 марта. Именно в этот день я узнал о том, что Малкольм доверяет только мне. Тогда мы обнялись. Мне стало так легко: Пэрриш наконец-то был спокоен. Единственное, что его беспокоило – это возвращение вещей домой завтра.

– И как это проверить?

– Всё легко и просто: позвони домой и попроси мать отправить отца куда-нибудь на пару часов – мы приедем и оставим твои вещи. Я тебя одного туда не пушу, – я сам не был до конца уверен в своем плане.

– Хорошо. Будем надеяться, что всё получится, как надо.

Заговорщики из нас были никакие, да и сам заговор был не очень, но по-другому было никак.

– Ох, Малкольм, тебя можно вносить в список достопримечательностей!

– Почему это? – он нахмурился.

– На тебя девушки смотрят постоянно: проходят мимо и оборачиваются, – я рассмеялся.

– Ой, ну прекрати ты, Адам. Мне девушка не нужна, понимаешь? Я занят, времени у меня свободного мало, да и не хочется как-то романтику заводить. А вот ты меня порадовал вчера, так порадовал, – Пэрриш говорил о походе на каток, – Сделайте серые приглашения с чёрными и белыми геральдическими лилиями!

Меня всегда забавляло, когда Малкольм представлял нашу с Аннабель свадьбу.

– Надень красный галстук, тебе пойдёт.

– Ага, а свидетели будут с красными бабочками, не так ли?

– Вот, ты меня прекрасно понимаешь, – для меня было счастье – видеть его таким спокойным и радостным.

Я бы доверил Пэрришу организацию своей свадьбы. Вот не о чем было поговорить двум подросткам: мы никогда не затрагивали «вечные» темы в наших беседах. Только иногда заводился разговор о мечтах, но ты это уже понял.

Вечером мы вернулись домой. Я бежал впереди, чтобы Малкольм не вздумал снова занять мою кровать. Я прыгнул в подушки, невероятно довольный собой.

– Ну как тебе вкус поражения Пэрриш?

– Смотри, не привыкай, Говард.

На следующее утро Малкольм в моём сопровождении, с ужасной тяжестью на душе, отправился домой. Перед дверью

он тяжело вздохнул и вошёл. Нас ждал неприятный сюрприз.

– Отец?.. – уверен, у Пэрриша в этот момент сердце рухнуло в пятки. – Я... приехал оставить вещи – завтра в академию.

– Прекрасно, а то я подумал, что ты переехал, – мистер Пэрриш перевёл свой взгляд на меня. – Познакомишь с другом?

– Адам Говард, приятно познакомится, – я сам протянул руку.

– Роберт Пэрриш, – отвечал он сухо, у меня по спине пробежал холодок.

Мы, невероятно встревоженные и испуганные, стояли посередине гостиной, глядя то друг на друга, то на мистера Пэрриша. Напряжение в комнате можно было смело резать ножом. Малкольм в последний раз взглянул на отца и поднялся в свою комнату. Я смог рассмотреть мистера Пэрриша: он был высоким и крупным, но не полным, его волосы были такими же тёмными, как и у сына, но уже с проседью, все черты лица его были острыми, грубыми и холодными. Я заметил про себя, что мой друг больше похож на мать, чем на этого сурового мужчину.

– Итак, Адам. Чем ты собираешься заниматься после окончания учёбы? – голос мистера Пэрриша был настолько холоден, что на окнах могли вырисовываться ледяные узоры.

– Я собираюсь быть преподавателем, в идеале – преподавать в «Вестфилде», – отчеканил я.

Мистер Пэрриш направлялся в свой кабинет, а я покорно следовал за ним.

– Это хорошо. Очень хорошо. Вашим профессорам достойно платят. Я вижу, ты серьёзен, – он остановился у письменного стола из красного дерева и обернулся на меня.

– Да, сэр, – я вытянулся, как струна, – Я считаю, что к выбору будущего поприща нужно подходить очень серьёзно.

– Ты бы поучил этому моего сына. Моего давления ему недостаточно: повлияй на него. Заставь его взяться за ум, Адам. Помоги ему не испортить его жизнь.

– Я постараюсь, сэр.

К двери подошёл Пэрриш и тихонько позвал меня.

– Приятно было познакомиться, Адам. Помни о том, что я сказал, – мистер Пэрриш пожал мне руку на прощанье.

Я не рассказал Пэрришу о том, что просил меня сделать его отец. Я не собирался заставлять друга делать то, что он не хочет. Так как очередного серьёзного разговора с отцом не состоялось, Малкольм был спокоен. Но то письмо накануне он всё же написал.

Глава 12

С декабря мы были знакомы с Аннабель, как ты помнишь. Я всё это время находился в мире грёз и витал в облаках. Пэрриш, конечно же, не упускал возможности поиздеваться над, цитирую, «влюблённым калекой». Я был воодушевлён, наконец-то серьёзно взялся за учёбу, чем очень удивил учителей и Пэрриша.

– Да как? Ты в обычное время учишься не очень, когда болеешь – учишься не очень, а сейчас чего начал?! У тебя любовь вечная, какие могут быть уроки?

Я всегда усмехался, когда Пэрриш говорил о нас с Аннабель: мы тогда даже не встречались, а он планировал уже и свадьбу, и совместную жизнь, и так далее. А я не придавал этому особого значения: мы же всего лишь подростки, что серьёзного может выйти из влюблённости в это время.

– У вас будут такие красивые дети! – говорил он с восхищением, – Ты у нас парень хоть куда, про неё я вообще молчу. Но только не ревнуй!

– Я даже и не собирался, – я был очень сосредоточен на том, что готовил для Аннабель.

Я, наконец, собрал всю свою смелость в кулак (а её немного) и решил предложить Аннабель стать моей девушкой. Да, мне было 16, я был ужасно скромн и труслив. Я поразмыслил, что идеально было бы посвятить девушке моего сердца

стих, которые писать я не умел, на минуточку, и подарить ей его вместе с букетом цветов и чем-нибудь ещё. В момент моих размышлений, пока я отвлёкся, Малкольм выхватил лист прямо из-под моей руки и, смеясь, начал читать вслух, пытаясь попутно убежать от моих яростных побоев.

– В моих... Ай! Отстань! В моих садах цветёт сирень. Отвянь, Говард.

– Отдай, Пэрриш! Ну не дури, ну! – мы прыгали по кроватям и толкали друг друга.

– Так, всё! Моё! – он прижал лист к груди, – Не отдам!

– Ой, да иди ты! – я обиженно отвернулся от него.

– Хаха! Итак, дебют Адама Говарда и попытки в поэзию.

Кхм, кхм кхм...

В моих садах растёт сирень,

В твоих – цветут тюльпаны.

В моих садах есть свет и тень,

В твоих – терять хоть каждый день

Себя я не устану.

Я помню ангельский твой взгляд

И снег в твоих ресницах;

Тогда был розовый закат,

Над нами ангелы парят,

Мы – новая страница.

Ты – след далёких облаков,

Что солнце обняли, любя;

Ты пишешь краской вместо слов,

Ты любишь книги и котов,
А я... люблю тебя.

Он оторвался от чтения и поднял голову, глядя на меня с открытым ртом. Я скептически поднял бровь, ожидая реакции от друга.

– Роза одна, красная, коробка конфет с шоколадом и кольцо, которое цвет меняет... – он указывал на меня пальцем, широко раскрыв глаза, – Ты меня понял?

– Понял... – я кивнул головой и принял свой драгоценный лист из рук друга.

На следующий день я отпросился на несколько часов у директора и с благословением Малкольма отправился на самую важную миссию в своей жизни – покорение дамского сердца. Я купил самую красивую и большую красную розу, какую только нашёл, коробочку шоколадных конфет и то самое «кольцо настроения». Ну, думаю, ты такие видел и знаешь. Тогда их популярность уже сходила на нет, но в душе каждая девушка мечтала о такой причудливой вещице.

Аннабель уже должна была ждать меня в сквере, где мы обычно проводили своё время. Когда я подошёл, она уже стояла на месте. Я решил поступить так же, как парни во всяких мелодрамах – закрыть ей глаза и спросить: «Угадай, кто это?». Она накрыла своими руками мои и повернулась с широкой улыбкой. При каждой нашей встрече я был готов по несколько часов говорить о том, как она прекрасна; и сей-

час: её волосы были выпрямлены, глаза слабо подведены, на её плечи было накинуто серое пальто поверх белой рубашки, заправленной в светлые широкие джинсы. Я торжественно вручил ей всё, что купил, и прочёл стих, запинаясь на каждой строчке. Я иногда поднимал взгляд от трясущегося листка на девушку: она хлопала глазами, а на лице её застыло выражение удивления и... не знаю, чего ещё. Когда я закончил, она засияла и, подойдя ко мне поближе, поцеловала меня, взяв меня за свободную руку.

– Так ч-что же?.. – я по-прежнему запинаясь и дрожал, как осиновый лист, – Ты б-будешь...

– Да! – я не успел ещё договорить, как Аннабель прервала меня.

С моих плеч упал тяжёлый груз в виде моей трусости. И тут я заметил вдалеке моего отца, который, чуть заметив меня, направился прямо к нам с Аннабель.

– Привет, молодёжь! Как дела, Адам? – он вприпрыжку подошёл и положил руку мне на плечо, а другой потрепал мои волосы.

– А?.. Отлично, – я смутился и потупил взгляд.

– Ой, извините, – он обращался к Аннабель, которая, казалось, совсем не понимала, что происходит, – Айзек Говард, приятно познакомиться.

– Аннабель Отис, взаимно! – она пожала руку моему отцу, – А ты не говорил, Адам, что у тебя есть брат.

Лицо моего отца в тот момент было неопишимо: смеша-

лись в кучу гордость, радость и что-то ещё. Он тряхнул волосами и ослепительно улыбнулся.

– Тогда я буду братом с сегодняшнего дня. У меня есть вопросы к твоей матери теперь, Адам.

– Ооооой! Так вы... – Аннабель была правда поражена, – Вы просто так... молодо выглядите.

– Спасибо, юная леди. Так, я домой, братец. Передавай твоему бедолаге «привет».

Отец ушёл, смеясь, оставив нас с Аннабель наедине со смущённостью и зарядом позитива на остаток дня. Действительно, папа выглядел весьма молодо: его волосы были очень густыми и пшеничного цвета, на лице были лишь мимические морщины, так что, ничего не выдавало его реального возраста. Мне от него достались длинные пальцы, высокий рост и нелюбовь к жаре.

– Так, по довольному лицу вижу, что рандеву удалось на славу, – Малкольм никогда не говорил «свидание», «встреча» – только «рандеву».

– Тебе привет от моего папы.

– Ох-ох-ох, – Пэрриш закричал и плюхнулся на кровать, – Я тебе завидую, Адам! Мой если бы увидел кого, никогда не передал бы "привет", не настолько сильно он меня любит. Усыновите меня, ради всех Богов!

– Обязательно, Малкольм, обязательно! – я присел рядом и приобнял друга. – Мама же знает, с чем блинчики ты любишь, а кровать ещё одну купим! – я подмигнул ему.

– Конечно же, купим, братец.
Я его обожал, честное слово.

Глава 13

Школьная рутина началась снова. Не за горами конец года, нас ждала куча работы по всем предметам. Ну и экзамены, конечно же.

Стопки книг, которые брал в библиотеке Пэрриш, возрас-тали вдвое, и теперь без моей помощи обойтись он не мог. Взгляд библиотекаря становился менее осуждающим, потому что почти каждый брал много книг для подготовки. Однажды я задержался в библиотеке и в коридоре столкнулся с одним из учителей.

– Говард.

– Да, сэр?

– Подойди к телефону, а лучше – позови Пэрриша. Наверное, родители.

Учитель похлопал меня по плечу, и я направился к телефону, попутно захватив с собой соседа.

– Привет, мам.

– Сынок, завтра приезжает твой брат с Катариной. Приезжайте с Адамом вместе.

– Хорошо, приедем.

Они проговорили несколько минут, и мы вернулись в комнату. Малкольм был в хорошем расположении духа теперь: он любил брата и был рад любой встрече с ним.

На следующий день, надев одинаковые костюмы с бардо-

выми галстуками, мы отправились на семейный ужин. Дверь открыла, по-видимому, Катарина: высокая девушка с огненно-рыжими волосами, убранными в аккуратную причёску.

– Малкольм! Ты так подрос с последней нашей встречи! Ты посмотри: весна только началась, а ты уже весь в веснушках, – девушка говорила с акцентом, щипая щёки Малкольма, от чего тот начинал смеяться, – Здравствуй, я Катарина.

– Адам. Могу поздравить? – я заметил на пальце кольцо.

– А? Да, спасибо, – Катарина улыбалась во все 32.

Пройдя в дом, Малкольм объяснил, что Катарина – немка, отсюда и акцент. Я поздоровался с матерью Малкольма и заметил строгого парня в военной форме с такими же грубыми чертами лица, как и у мистера Пэрриша, но такой же мягкой улыбкой, как у Пэрриша-младшего. Заметив нас, юноша расплылся в улыбке.

– Братец! Сколько мы не виделись? Года три, наверное. Ты всё больше становишься похожим на маму... Декстер, приятно познакомиться. – он протянул мне руку в белоснежной перчатке.

– Адам, взаимно.

Катарина позвала Декстера, кинув что-то по-немецки, и он ушёл, зато, перед нами возник мистер Пэрриш.

– Здравствуй, сын. Адам. Рад, что вы всё-таки пришли, – он подошёл ко мне вплотную и наклонился к моему уху, по моей спине пробежали мурашки, – Надеюсь, ты всё передал Малкольму.

– Слово в слово, сэр. – я сглотнул.

– Ужин через 20 минут, – произнёс как всегда сухо отец и удалился.

Из кухни доносились споры, немецкая речь и радостные возгласы. Наконец, Декстер усадил брата на диван, пока я сосредоточил своё внимание на каком-то полотне в гостиной, прислушиваясь к разговору братьев.

– Мать сказала, ты пишешь, – говорил он максимально тихо, – Отец был очень зол?

Малкольм молча закатал рукав рубашки, показав бинты.

– Крепко тебе досталось. Ну, ничего, потерпи ещё немного. Обещаю, всё изменится. Уверен, он тебя в обиду не даст, – Декстер кивнул в мою сторону.

– Не даст, ты прав, – Пэрриш пожал плечами.

– К столу!

Декстер подмигнул брату и прошёл в столовую. На вопросительный взгляд Малкольма я ответил кивком: его интересовало то, что же его отцу нужно было от меня.

– Не бери в голову. Он просто просил меня сказать тебе то же самое, что всю жизнь говорил тебе сам.

– Но ты же этого не сделал.

– Конечно же, нет.

– Мда, из твоих уст это звучало бы очень несуразно.

Мы рассмеялись и пошли ужинать. Вся семья ела молча, иногда поглядывая друг на друга. Мне было плохо, очень плохо. Понимаешь, я привык к тёплым семейным ужинам,

когда можно поговорить обо всём и ни о чём. Не к таким трапезам, когда воздух был свинцовым и давил на тебя, давил, давил. Я решил прервать неловкое молчание.

– Так что же... Когда свадьба?

– В конце мая, мы пока не решили, в какой именно день, – Декстер немного покраснел.

– Как твоя учёба, Малкольм? – этот вопрос был задан Катариной.

– Отлично. Скоро экзамены, я уже начал готовиться, думаю, что сдам хорошо.

– Уж постарайся, сын, – мистер Пэрриш устремил свой холодный взгляд на сына, – С низкими баллами в университет не возьмут.

– Да, отец, – Малкольм покорно опустил голову.

– Адам, я надеюсь, ты поговорил с моим сыном, – вновь повторил он, а по моей спине пробежал неприятный холодок.

– Да, сэр.

Катарина, сидевшая возле меня, успокаивающе провела рукой по моей спине – мне это помогло. Воздух казался мне ещё тяжелее из-за холодных взглядов, да даже мужская часть четы Пэрришей просто выглядела невероятно сурово. Остаток ужина прошёл в гробовой тишине.

После трапезы мистер и миссис Пэрриш остались в доме, а мы вышли в сад. Декстер и Малкольм говорили о военной академии, в которую должен был попасть Пэрриш летом, а

Катарина беседовала со мной.

– Ты был взволнован, весь дрожал. Не нужно бояться мистера Пэрриша, он не так плох, – девушка мягко улыбалась, придерживая руками бушлат Декстера на плечах.

– Как хороший отец может так относиться к своему сыну? Он не то, что не даёт Малкольму заниматься любимым делом, а угрожает.

– Ты боишься за друга, я понимаю, – Катарина достала из кармана пачку сигарет и закурила, – Декстер рассказывал мне... С этим ничего не поделать, остаётся только ждать. Бедолага. Мне жаль его, он этого не заслужил. – она выпустила дым.

Послышался смех братьев Пэрришей, и Катарина быстро потушила сигарету и выбросила её, как девушка-подросток, которая пытается скрыть от родителей, что курит.

– Heu, Maus!

Влюблённые обнялись и отправились в дом.

– Мышонок?

– Они так счастливы, – Малкольм широко улыбался, радуясь за брата, – А она и не догадывается, что Декстер знает, что она курит.

Мы попрощались с семьёй Пэрришей, на прощанье Катарина подмигнула мне, мол, «всё будет хорошо». Как всё было спокойно, я удивляюсь до сих пор. Кстати, свадьбу пришлось отложить на несколько месяцев, но об этом попозже.

Глава 14

Давай отвлечёмся от повествования, Патрик. Уверен, ты уже утомился слушать меня.

– Нет, мистер Говард, совсем нет. Продолжайте, мне очень интересно. – Патрик потянулся и, ойкнув, зевнул.

– Ну, хорошо, как скажешь.

Как видишь, наша жизнь не отличалась особой яркостью: академия, учёба и ссоры Малкольма с отцом. Однажды я поинтересовался, кто же такая Катарина.

– Ох, эта немка свела с ума всю нашу семью, в хорошем смысле. Она весьма своеобразна, как ты заметил, я думаю; но самое главное – её сказки. Понятия не имею, откуда она их берёт, но каждый раз её истории пробуждают чувство умиротворения. Могу даже рассказать одну, какую помню. Итак.

«Так давно, что никто уже не помнит, в маленьком французском городке жила весёлая девчужка по имени Абель. Она носила полосатый берет и платья в цветочек, любила вишнёвые пироги и плела венки из одуванчиков. Балкон в её комнате выходил во двор и почти касался балкона из дома напротив.

В том самом доме напротив жил мальчик – Марин – всегда угрюмый и мрачный. И не зря, ведь над ним всегда парила туча, из которой иногда даже шёл дождь. Ни весёлые песни Абель, ни венки из полевых цветов, ни даже толстый и

добрый кот Теодор не могли развеселить его. Иногда он пытался улыбаться, но настоящим показателем его эмоций была грозовая туча, которая оставалась всегда тёмной. Абель всегда носила с собой маленький оранжевый зонтик, чтобы не намочить, когда капельки дождя, как слезинки, обрушивались на тихого Марина. Сам он никогда не плакал, только молчал и печально улыбался. Отец Марина был моряком, редко бывавшим дома. Вся его жизнь была там – на морских просторах, вдалеке от сына, имя которого и значило – «море». Мать мальчика никто не знал, и поговаривали даже, что она была сиреной.

Абель была единственной подругой угрюмого Марина. Она никогда не обижалась, если он случайно заливал ромашки, которые росли в саду. Она даже сделала маленькие колечки из одуванчиков, которые друзья всегда носили, не снимая.

– Ну вот! – раздосадованно восклицала девочка, – Теодор опять убежал. Как можно не любить дождь, особенно твой, Марин? Дождик освежает, и трава после него зеленее и ярче. А твой дождь ещё и тёплый, мягкий!

Мальчик пытался улыбаться, но у него этого не получалось. Улыбка была печальной и натянутой.

Когда друзьям было лет по десять, отец Марина, суровый моряк забрал мальчика в плавание на долгие годы. Абель бежала по пирсу до самого его конца, размахивая своим полосатым беретом. По прошествии пяти лет письма больше

не приходили, а кольца неприятно сжимали пальцы. Тёмные волосы Марина под воздействием солнечных лучей и солёной воды выгорели, взгляд Абель стал серьёзным, и больше платьев в цветочек она не носила. Девушка уехала в туманную Англию, взяв с собой лишь Теодора, письма Марина и кольцо из одуванчика.

В один ужасно дождливый и ветреный день, Абель торопилась куда-то по делам, и, сопротивляясь сильному ветру, пробиралась через пелену дождя. Вдруг оранжевый зонтик вырвался из её рук и полетел куда-то вдаль. Девушка побежала за ним, крича что-то невнятное.

– Ваш зонт, девушка? – перед ней возник высокий юноша в морской форме.

– Мой, спасибо, вы даже не представляете! Ветром вырвало, представляете, ой, какой дождь сильный, вся промокла уже! – Абель говорила так быстро, что половины слов было не разобрать.

Подняв взгляд, она увидела перед собой того мрачного мальчишку, который так много, казалось бы, лет назад, мог лишь печально улыбаться, а теперь его улыбка сияла ярче солнца.

– Ну здравствуй, пастушка... Где же твоё цветочное платье? – Марин светился от счастья, впервые в жизни.

– А где твоя туча? – девушка провела рукой по светлым волосам юноши, – И береты, видимо, теперь носишь ты!

Они так и стояли под дождём, глядя друг на друга и улы-

баясь И не было для них двоих большего счастья, чем в этот момент.»

– Как красиво! – я был искренне поражён.

– Да, даже не представляю, как она их придумывает. Мой отец называет её колдуньей. И правда: его сына украли, живёт хорошо, хоть и не работает, а лишь учится. Да и курение она скрывает не от Декстера, а скорее от отца. Ей с ним ещё много лет придётся мучиться. А сколько мне... Господи...

– Как они познакомились? Ну, Декстер и Катарина.

– Брата отправили в Англию, а Катарина там ещё училась в школе по обмену, уже заканчивала учёбу. Они встретились на пирсе, когда она возвращалась домой. Думаю, отсюда и появился сюжет той сказки. Только мой брат моряком никогда не был.

– Декстер знал немецкий?

– О нет, ни слова! – Пэрриш рассмеялся, – Даже представить не могу, как они общались, наверное, школьный переводчик занимался. Рассказывал, твердила постоянно: «Geh nicht! Geh nicht! ». А он обнимал её, целовал в лоб и уверял, что не понимает ни слова.

Я слушал истории о влюблённых с разных концов мира с распахнутым ртом. А Малкольм размахивал руками, передавая воспоминания брата. Как же он обожал Декстера, ты не представляешь! И был так на него похож, гораздо больше, чем на отца: братья были мягче и приятней даже внешне. Как уже подметил Декстер, Пэрриш-младший больше похо-

дил на мать.

– История для какого-то хорошего романа.

– Погоди, я не закончил. После окончания учёбы Катари-на уехала домой, в Германию. Для Декстера это была пытка: везде немцы, немцы, немцы, а он ничего не понимает! Ну, потом всё-таки уговорил родителей Катаринины отпустить дочь в Америку. Те, конечно же, согласились; ещё бы, не дать благословение такому парню! Ну и уже три года они живут, душа в душу, а потом и свадьба. И ты, конечно же, на неё пойдёшь. Если ты не научишься завязывать галстук, Говард – я убью тебя. Не мне же всю жизнь за тебя это делать! – он бросил в меня подушкой, от которой я еле-еле увернулся.

Глава 15

Среди дня в нашу с Пэрришем комнату заглянул мистер Морган, комендант.

– Малкольм, тебя к телефону.

Мы переглянулись: звонка никто из нас не ждал. Я шёл рядом с другом, который теперь был не на шутку встревожен.

– Да?

– Малкольм, это мама. Тебе нужно домой.

– Что? Но почему, мам? – глаза Пэрриша бегали, а руки тряслись.

– Тут отец... В общем, приезжай быстрее, я предупреджу директора, – и в трубке раздались гудки.

Малкольм поднялся в нашу комнату, взял плащ и, проходя мимо меня, всё ещё стоявшего возле телефона в холле, сказал: «Я ненадолго» – и подмигнул.

Это был последний раз, когда я видел его...

Весь оставшийся день я просидел как на иголках. Ни на одном уроке сосредоточиться не мог. К вечеру моё сердце было уже готово выпрыгнуть из груди. Меня позвали: звонил Малкольм. Я помчался по лестнице и, кажется, сбил кого-то с ног.

– Алло!..

– Адам. Послушай меня, Адам. Я не знаю, что сейчас происходит, и мне страшно. Запомни, пожалуйста, что я люблю

тебя и буду с тобой. Я боюсь. И умоляю, не выбрасывай мои черновики. Скажи Аннабель, что она – светлый ангел. По-заботься о ней, пожалуйста. Я понятия не имею, что сейчас несу, мне просто страшно. Отец в бешенстве, он нашёл мои записи, рвёт и мечет, и меня ждёт очень серьёзный разговор. Не думаю, что это хорошо закончится; мне кажется, со мной всё будет плохо.

– Малкольм...

– Не надо, Адам. Я вернусь завтра. Я... так думаю. Я люблю тебя. Пока...

Гудки в трубке разрывали моё сердце. Я боялся, я был напуган. Меня всего трясло, сердце бешено колотилось, из-за чего было ужасно трудно дышать. Не знаю, как, но я смог уснуть.

Всё далее я узнал от матери Малкольма.

Он приехал домой, где уже ждал взбешённый отец.

– Малкольм! Будь так добр, объясни мне, что это такое?! – он тряс стопкой листов, которые были черновиками Малкольма.

– Отец, это...

– Я вроде понятно объяснил тебе, что не потерплю в своём доме этой ерунды! Ты поклялся, что прекратишь заниматься этими бреднями! Я просил твоего друга повлиять на тебя! Он сделал это?! Я думаю, что да – он серьёзен, в отличие от тебя.

– Прекрати! – Пэрриш вспылил, – Прекрати меня срав-

нивать со всеми подряд! Декстер молодец, служит, не сын – золото! Адам серьёзен, уверен в себе, в своём будущем! Ну, так я поздравляю и Декстера, и Адама! А я не такой, ты слышишь меня?! Я не собираюсь служить, я не собираюсь зашиваться всю жизнь ради работы, я не собираюсь губить себя из-за твоих прихотей! – Малкольм кричал, чем ужасно напугал мать, но не отца.

– Не дерзи! – отец схватил Пэрриша за ворот рубашки и дёрнул вперёд, – Не забывай, что я – твой отец, ты живёшь в моём доме, и пока ты здесь – ты живёшь по моим правилам! Ты не будешь заниматься этим, ты понял меня?!

Малкольм потупил взгляд, и мистер Пэрриш отпустил его.

– Нет.

– Что значит «нет»?!

– Не понял! – сын усмехнулся, за что и схлопотал пощёчину.

– Ты напросился, Малкольм. Тебе с рук эта дерзость не сойдёт!

Мистер Пэрриш бросил черновики Малкольма, которые по-прежнему держал в руке, в камин. Малкольм рухнул на колени и закричал, из его глаз брызнули слёзы. И только в тот момент, когда всегда сдержанный сын кричал и глотал слёзы, отец понял, что перестарался.

– Господи... Что я наделал? – мистер Пэрриш будто отрезвел, – С-сын, М-Малкольм, прости меня, Малкольм.

– Не прикасайся ко мне! – Малкольм оттолкнул отца и

вскочил на ноги, – Я ненавижу тебя, ненавижу!

Малкольм опрометью бросился вон из дому, не успев даже накинуть ничего на плечи. Он бежал, справляясь с метелью, не разбирая дороги. Когда его взгляд хоть немного прояснился, он увидел, что стоит посреди того озера, на которое выходил вид из окна его комнаты. На берегу стояли его родители, пытаясь докричаться до сына.

– Хватит с меня этого! Хватит этих указаний. Я устал, отец. Я живу по твоей указке, по твоему сценарию уже 17 лет! Я не хочу работать в суде и калечить чужие жизни. Я хочу писать. Глаголом жечь сердца людей! Слышишь?! Я не хочу делать всё, что ты мне скажешь. Я могу сам о себе позаботиться! Ты же не любишь меня, отец! Ты любишь Декстера и выдуманный образ идеального сына, которому я не соответствую! Я устал, устал!!

Мистер Пэрриш был ужасно напуган. Сам Малкольм дрожал от страха, слёзы в его глазах замерзли.

– С..сын... Умоляю тебя, вернись домой. Прошу тебя. Мы поговорим, обещаю. Всё будет хорошо. Я изменюсь, Малкольм, изменюсь! Забудем всё. Иди обратно, прошу. Малкольм... Прости меня за всё!

Малкольм не видел почти ничего из-за замёрзших слёз и метели. Он тяжело дышал, а его грудь сдавливала ноющая боль из-за частого биения сердца. Но он всё-таки сделал шаг вперёд. И лёд треснул под его ногами...

Мне позвонили той же ночью. Сказали, что Малкольм

Пэрриш провалился под лёд. Ещё несколько ребят, встревоженные таким неожиданным ночным визитом, стояли в дверях. Спросонья я не сразу понял слов мистера Моргана, но как только мой мозг смог принять это... Я разрыдался, как дитя. Я выбежал на улицу, крича и глотая слёзы – никто не пытался остановить меня. Я кричал, кричал так громко, как только мог... Я не мог поверить в то, что его больше нет... Что он больше никогда не войдёт в двери нашей комнаты, никогда не обнимет меня, никогда больше не улыбнётся... Моя жизнь была сломана, моё сердце разорвалось на части.

Глава 16

В ту ночь я не смог больше сомкнуть глаз, а на утро встретился с Аннабель. Я был опустошён, разбит... Со стороны я выглядел, наверное, ужасно.

– Ты весь белый, как мел... А глаза... Ты не спал? Они просто красные. Что произошло? – девушка была встревожена.

– С-сядь, п-п-пожалуйста, – я заикался, чем ещё больше напугал девушку, но она села на скамью, – Малкольма... его...

– Что? Что?! ЧТО?! – девушка трясла меня за плечи.

– Малкольма больше нет! – я закричал и вскочил со скамьи, – Его нет! Он утонул, провалился под лёд... – я тяжело дышал, пытаюсь выдать из себя слова.

– Ты разыгрываешь меня?! – девушка вскочила на ноги.

Я покачал головой. Как бы мне хотелось, чтобы это был розыгрыш.

Аннабель упала на колени прямо на плитку, из неё вырвался полный отчаяния вопль: «Нет!». Могу поклясться, для нас обоих мир в этот момент рухнул; в моих руках рыдала и кричала девушка, а в моих ушах стоял звон. Мне было всё равно, что о нас думали прохожие, а ведь они оглядывались. У Аннабель сердце рвалось на части, как и моё. Мы долго рыдали, сидя в объятьях друг друга. В этот день никто

из нас домой не вернулся: мы переходили из аптек в скверы, не произнося ни слова, а лишь всхлипывая. Домой я пришёл только утром, совершенно убитым. Я рассказал всё родителям, точнее, попытался. Мама чуть не потеряла сознание, а папа обнял рыдающего меня, хотя и сам начинал плакать. Скоро к нашему дому подъехали Декстер и Катарина, видимо миссис Пэрриш дала им мой адрес.

– Адам, я... – Декстер кусал губы, пытаясь справиться с эмоциями, – Господи, Адам!.. – он закрыл глаза руками и отошёл в сторону.

– Иди сюда, maus, – Катарина крепко обняла меня.

Все вместе, впятером, мы заливали слезами дом и друга друга.

Мне же требовалось приехать в академию за своими вещами, так как год уже заканчивался, да и я не мог там находиться.

Я пришёл в академию, чтобы забрать свои вещи и печатную машинку Малкольма. Из-под матраса торчал кусочек бумаги – это оказалось послание мне.

«Адаму Говарду на случай, если меня уже нет.

Я был хорошим. Правда, был хорошим,

Писал свою историю, и вдруг,

Я цепи оборвал свои, мой друг,

Оставив жизнь в туманном прошлом.

Прости, когда, не говоря не слова,

Я всё бросал, пугал тебя, как мог,
И, оказавшись между двух дорог...
Прости, прости, я повторяю снова.
Я не хотел, поверь, я не хотел,
Я поступал так глупо, так обидно.
Я так запутался, перед тобой мне стыдно.
Но я не справился. О нет, я не сумел.
Я обещал, что буду жить счастливым,
Я обещал, что выдержу, смогу.
Я думал, что тебе я не солгу.
Но наша жизнь, увы, несправедлива.
Я точно знал, что ты не подведёшь,
Я знал, что ты всё сделаешь, как нужно.
Для меня счастье – наша дружба.
Послушай, друг, ты далеко пойдёшь.
Ты женишься на ней и очень скоро,
Я знаю, очень скоро ты придёшь,
(Хотел бы я жить так, как ты живёшь).
Прошу, запомни наши разговоры...
Прости за всё, я повторяю снова.
Не забывай меня и всё, что обещал.
Своих я обещаний не сдержал...
Мои прощальные слова. Точнее, слово.»

Я не знал, что мне делать. Я был просто убит. Я уже не мог плакать, ведь было уже нечем... Все ребята провожали

меня взглядами, полными печали и сочувствия, а Курт Маккинли отдал мне тот самый термос, который у него забирал Малкольм, чтобы помочь мне справиться с усталостью. Он смотрел на меня своими полными наивности глазами.

– Забери его, Адам... Ему он нравился, и... – он хлюпал носом, пытаясь сдержать слёзы.

– Маккинли... – я обнял его, закусив губу.

Я вышел из академии. Ребята пытались что-то сказать мне, крикнуть, попрощаться, но мне было всё равно – я их не слышал и не хотел слышать. Я пообещал сам себе, что вернусь сюда либо учителем, либо не вернусь вообще.

Через несколько дней должны были быть похороны, на которых я собирался произнести речь, но не планировал её писать, ведь нужно, чтобы слова шли от сердца. Как раз тогда и пришли его книги, которые я заказывал; я решил не отдавать Аннабель её книгу, а исполнить нашу мечту.

Я не ложился спать перед похоронами, я просто не мог заставить себя уснуть. Я выпил 2 чашки кофе и собрался. По привычке я сказал: «Пэрриш, помоги мне завязать галстук» – и понял, что же я ляпнул... Мы с родителями забрали Аннабель и поехали к церкви. Даже в чёрном платье, с красными и опухшими от слёз глазами, с дрожью, которую нельзя унять, она была похожа на ангела. Встретил нас Декстер с новостью, что через 3 месяца у них свадьба.

– Поздравляю...

– Адам, – Декстер присел на корточки передо мной, будто

я ребёнка, и взял меня за руку, – Ты же станешь моим свидетелем?

– Конечно...

Я отпустил его руку и вошёл в церковь. На меня обратились взгляды всех присутствующих. Я держал в дрожащих руках книгу Малкольма, которую я вложил в его руки и приступил к своей речи.

– Малкольм Пэрриш был... Был самым лучшим человеком в моей жизни. Самым искренним из всех, кого я знал. Но и, как оказалось, самым печальным. Он часто скрывал свои переживания, но чувствовал облегчение, когда мог выговориться. Он не был открытой книгой: он был такой книгой, которая пишет себя сама. Вот только в эту историю очень часто вносили свои поправки цензоры... Однажды Пэрриш сказал мне: «Мечты не должны быть погребены под слоями сомнения». Он не собирался закапывать свою мечту – её за него похоронили заживо. Я обещал Пэрришу пригласить его на мою свадьбу, но надеюсь, что он придёт сам. Он здесь: видит и слышит нас. Малкольм... Прости, я знаю, что ты не любишь, когда тебя называют по имени, но... Я всегда буду любить и помнить тебя, что бы ни произошло. Я благодарен тебе за всё: за дружбу, за помощь, даже просто за время, которое мы провели в академии и за её пределами.. Ты останешься в наших сердцах навсегда как сын, брат, ученик, друг. Я не смог тебе помочь. Прости за всё, что я сделал, быть может, обидного. Я сделаю всё, что пообещал тебе. Я

никогда тебя не забуду. Не было в моей жизни никого, кого я любил бы настолько сильно, как тебя. Клянусь, ты будешь всегда в моём сердце...

Когда я проходил к своему месту в зале, я задыхался и дрожал, мой глаз дёргался. На меня смотрел каждый, клянусь, каждый провожал меня взглядом. Мои губы дрожали, сердце бешено колотилось в груди, пытаюсь вырваться. Наконец, мои ноги подкосились, и я потерял сознание.

Глава 17

Я не мог плакать, когда произносил речь. Я не мог плакать, когда моего лучшего друга закопали в землю. Я не мог...

Когда все уже разошлись, а я стоял на месте, ко мне подошла Катарина.

– Милый... Пойдём, ты замёрзнешь, – она набросила на мои плечи шаль и, обняв за плечи, повела в церковь.

Там она усадила меня на скамью.

– Я хочу тебе кое-что рассказать.

Когда я была маленькой, мой отец рассказывал мне историю о необычном мальчике.

В деревне вместе с родителями и тремя братьями жил мальчик. Его называли сыном солнца, ведь круглый год на его носу сияли веснушки. И имя у него было солнечное – Лабберт – яркий. Сама деревня была тёмной, глухой и мрачной, люди – скучными и угрюмыми.

У мальчика был свой островок солнца: небольшая поляна недалеко от деревни, покрытая нарциссами. На этой поляне однажды Лабберт встретил девочку с длинными чёрными косами, похожую на оленёнка: с большими глазами и маленьким носом и губками. Звали её Хайке. Девочка посоветовала Лабберту отправиться на другой конец деревни, к озеру, где живёт колдунья. Причём, никто не знал, быть мо-

жет, это – добрая фея, а может и злобная ведьма.

С утра пораньше Лабберт взял у отца лодку и сквозь утренний туман поплыл по прозрачному, будто бы зеркальному, озеру. И правда: на другом берегу стояла одинокая лачужка, заросшая плющом. Внутри домик оказался гораздо больше, чем выглядел снаружи: на многочисленных полочках на стенах ютились, как птички, баночки и склянки, в стеклянных шкафах сквозь матовые стёкла еле-еле виднелись ступки и связки трав. А в углу, возле камина, хлопотала хозяйка – черноволосая низенькая старушка, бормотавшая что-то на латыни.

– Здравствуйте, бабушка, – мальчик собрал всю смелость в кулак и обратился к колдунье.

– Здравствуй, солнечный зайчик. Я знала, что ты придёшь: я всё вижу.

Старушка повернулась к Лабберту и широко улыбнулась. Да так, что сам мальчик не смог сдержать улыбки.

– Я пришёл от Хайке. Она...

Не успев договорить, Лабберт встал, как вкопанный, и не смог пошевелить даже пальцем. Колдунья смешала в ступке какие-то травы и цветы, прошептала что-то невнятное, и целое облако обрушилось на мальчика. Только после этого Лабберт смог сдвинуться с места.

– Иди, солнышко. И не забывай смотреть под ноги, – старушка подмигнула мальчику и захлопнула перед ним дверь.

Лабберт не успел ничего понять, но рассмеялся стран-

ной, но приятной бабушке, и уплыл. Вернувшись в деревню, мальчик вприпрыжку бежал домой, чтобы поделиться с семьёй этой весёлой историей. Его ни капельки не смутило то, что все односельчане смотрели ему вслед, выглядывали из окон. Остановившись на полпути к дому, Лабберт вспомнил слов старушки: « Не забывай смотреть под ноги» – и опустил глаза вниз. Под босыми ногами мальчика была ярко-зелёная трава с разноцветными цветами. Охнув, он повернулся: за мальчиком по земле тянулась полоса зелени с пышными цветами.

С каждым шагом Лабберта деревня становилась всё ярче и светлей, а жители счастливей и веселей. Лабберт даже забыл о своей полянке с нарциссами и Хайке. Прошло несколько дней, и мальчик наконец-то отправился проведать девочку-олёнёнка.

– Хайке! Ты не поверишь. За мной появляется трава и цветы, представляешь?! – мальчик чуть не упал в нарциссы от усталости.

– Здравствуй, солнечный зайчик, – в мгновение ока девочка превратилась в ту самую колдунью.

– Это были вы? Вы – Хайке?

– Ты был рождён для того, чтобы нести прекрасное в мир, мой мальчик. Твои веснушки светятся на солнце, ты никогда не замечал? Такие люди отмечены солнцем, Лабберт.

Колдунья растворилась в воздухе, оставив мальчика наедине с раздумьями.

– Малколм тоже был отмечен солнцем... – я понял смысл этой сказки.

– Именно, maus. Он – частичка солнца, а солнце у каждого своё. И потому – вечное. Твоё солнце живо, не так ли, Адам? И оно никогда не погаснет. Я звала его «солнышком», и он любил эту сказку больше всех остальных моих, – она достала сигарету и закурила.

Я сидел рядом с Катариной и думал. Просто думал, даже не зная, о чём. Я просто вспоминал.

Я пришёл в тот самый магазин, где мы были зимой, и положил его книгу на ту самую полку, на самое видное место. Я сфотографировал полку на фотоаппарат мгновенной печати. Я был уверен в том, что меня прогонят или даже арестуют, но мне было всё равно. Я озирался по сторонам, моя рука сама тянулась к книге, чтобы забрать её. Мне казалось, что весь мир в этот момент остановился. Меня не заметили, ну или попытались не замечать.

Весь оставшийся день я бродил по городу и вспоминал самые лучшие моменты с самым лучшим человеком в моей жизни: наше знакомство, нашу мантру – «Мечты не должны быть погребены под слоями сомнения», нашу первую встречу с Аннабель, как он подарил мне этот галстук и разочаровался в этом подарке, как я бинтовал ему руку, как он танцевал у меня дома, как мы дрались из-за того, кто же будет спать на кровати, как он раздавал мне советы о том, что делать, что говорить Аннабель и всё такое...

Я вспоминал его последние слова, его последний звонок...

Спустя 5 лет перед своей свадьбой я положил на могилу Малкольма приглашение на свадьбу. То самое, серое с чёрными и белыми геральдическими лилиями.

– Я сдержал своё обещание, Пэрриш. Ты же придёшь? – я был взволнован, – Конечно же, ты придёшь. Всё сделано по твоим советам – от приглашений до галстуков. Вот только... я не умею завязывать галстуки до сих пор, прости меня... Я люблю тебя, Малкольм. Я люблю тебя.

Каждый раз я надеялся увидеть его. Как привидение, как игру воображения – неважно. Просто увидеть, просто прикоснуться.

– А что же Аннабель? Где она сейчас?

– С ней всё хорошо, она по-прежнему прекрасна, как и 28 лет назад. Спустя пару недель после похорон, миссис Пэрриш ушла от мужа, обвинив его в смерти сына, а бизнес мистера Пэрриша рухнул. Этого удара он не выдержал. А вот миссис Пэрриш жива до сих пор, но живёт она где-то очень далеко. Декстер и Катарина постоянно в разъездах, ведь Пэрриш-средний занят военной карьерой. Так что, теперь могилу Малкольма Пэрриша посещают лишь трое: я, моя жена Аннабель Говард, в девичестве Отис, и наша дочь Элиза.

Однажды Элиза увидела фотографию Малкольма в моём школьном альбоме.

– Папа, это тот самый Малкольм Пэрриш? Какой же кра-

сивый... – тогда она заплакала, я обнимал её крепко-крепко, – Почему он так рано погиб, папа?!

– Иногда мне кажется, милая, что в тебе его душа. Такая же чистая и светлая. И у тебя веснушки!

– А представь, каким он был бы сейчас... Папа...

Я не мог ей отвечать, мне было слишком больно. Я никогда не рассказывал ей про Пэрриша многого.

– Мам, а ты? Кем он был в твоей жизни?

– Знаешь, доченька, – жена уводила Элизу подальше, когда видела, что я на грани очередного срыва, – Если бы не он, мы бы с твоим отцом не познакомились.

– Он нравился тебе, мама?

– Твоя любознательность... Нет, не нравился. Мне нравился твой отец, а особенно его всегда растерянное выражение лица.

– А Александр? Он какой? – она говорила о сыне Декстера и Катарины, Александре. Юноша был военным, как и его отец.

Во время одного из редких возвращений четы Пэрришей на родину, мы собрались вместе. К превеликому счастью моей дочери, Александр оказался очень похожим на Малкольма: те же широкие густые брови, то же квадратное лицо, та же причёска. Только Александр был бледней, выше и крепче, как Декстер.

– Oh mein Got, Elise! – колдунья-Катарина рассмеялась, увидев раскрывшую рот от удивления Элизу.

– Я уже чувствую свадьбу, друг мой, – шепнул мне Декстер, подмигнув.

В день рождения Малкольма я пришёл к нему.

– Здравствуй, друг... Совсем скоро мы станем официально роднёй... Не верится, правда? Ты бы видел мою дочь, когда она увидела Александра! Вы похожи. Очень. Она скорбит по тебе, как и я, как и Аннабель. Вот только она совсем тебя не знала, и Элизе от этого лишь печальней. Я представляю, как ты говорил бы ей: «Элиза, милая, ради всего святого, не называй меня Малкольм» – и смеялся... Она такая же светлая, как и ты. А знаешь, Мал... Пэрриш, вы с Александром переняли мягкость внешности твоей матери. Декстера это как-то обошло стороной. Это будет третья свадьба на твоей памяти, даже не верится. Я чувствовал твоё присутствие 24 года назад, я... до сих пор не умею завязывать галстуки, прости... Тогда я попросил Катарину о помощи и был таким же красным, как и тот галстук, что ты подарил мне.

Я говорил долго, очень долго, пока на моё плечо не легла рука дочери. Она мягко улыбнулась мне и присела рядом, положив на могилу букет и красивый конверт с приглашением на свадьбу.

– Папа... Я могу?..

Я молча встал и ушёл. Я слышал лишь обрывки фраз моей девочки, а на мои глаза наворачивались слёзы. Мне хотелось упасть на траву и разрыдаться, как тогда... когда мне позвонили и сказали о трагической гибели моего лучшего дру-

га. Меня сдерживало только элементарное желание не быть сопляком в глазах уже взрослой дочери. Но я не смог. Я не смог сдержаться. Я рухнул на землю, захлёбываясь слезами, и подполз к большому дереву, чтобы опереться на него спиной. Из моих глаз катились слёзы, я кричал, срывая глотку, постоянно повторяя: «Нет! Почему?!». Мне было больно, просто больно, и ничего более. Когда во мне уже не осталось сил плакать, когда виски сдавливала дикая боль, я открыл глаза, и на мгновение мне показалось, что возле меня сидел он, Малкольм, и улыбался... Но нет. Конечно же, это была Элиза; дочь обнимала меня и плакала сама. А как мне хотелось в тот момент хоть на секунду увидеть Пэрриша. Ещё раз взглянуть в его огромные серые глаза над целым мостом из веснушек от уха до уха. Хоть раз улыбнуться в ответ на его широкую ассиметричную улыбку. Услышать, как он говорит мне: «Эй, Говард!» – так, как не может сказать никто. Я был готов отдать всё, что у меня есть, любые деньги, да даже свою жизнь.

Я пытался заглушить, хоть как-то унять эту боль в себе практически 30 лет, но до сих пор я не могу забыть этого... этого парня. Меньше чем за год два абсолютно разных человека настолько сблизились, что стали практически частью друг друга.

Я всегда помнил Пэрриша, я всегда любил его...

Несколько лет назад я собственноручно собрал деньги, работая сверхурочно, откладывая несколько лет; я собирал их

для того, чтобы осушить то чёртово озеро. Я помню, я копил деньги лет 5, чтобы больше ни одна душа не находилась там. Когда я приехал к старому дому Пэрришей, и машины начали свою работу, я вошёл в дом. Он был полон старых вещей, ведь миссис Пэрриш выезжала из дома в спешке, все картины были на своих местах. Я поднялся по лестнице на второй этаж, к комнате Малкольма. Она была такой же, какой я помнил её практически 30 лет назад. Я открыл шкаф и был ошарашен: вся одежда была совершенно нетронута ни временем, ни молью. На вешалках висела форма «Вестфилда», добрая дюжина рубашек, а внизу аккуратно, как будто под линейку, была расставлена обувь. В окно я слышал гул машин, переговоры рабочих, а в моей памяти всплывали самые лучшие воспоминания. Я вышел на балкон, откуда было видно озеро, и вспомнил наш диалог:

« – У тебя с балкона видно озеро. Красиво.

– Ага. Всё детство хотелось там поплавать летом, но вода всегда холодная.»

– Господи...

Я был напуган теперь. Тогда я даже не мог представить, как всё обернётся... И знаешь, Патрик... Я был в ужасе. Тогда ещё ходили слухи, что это был не несчастный случай, а самое простое самоубийство. Только представь себе это.

– Мистер Говард! – закричал мне рабочий из бригады, когда увидел меня на балконе, – Вы можете ехать домой, тут работы на пару суток!

Я спускался, нехотя. Выйдя из бывшего дома Пэрришей, я хлопнул бригадира по плечу и уехал. Через несколько дней утром меня разбудил звонок.

– Мистер Говард, простите, что так рано. Мы закончили, ребята отгоняют машины через час. Успеете подъехать?

– Да... да, конечно, успею.

Ты даже не можешь себе представить, как я был счастлив увидеть вместо того злополучного озера пустырь. Я заплатил сверх нормы, горячо поблагодарил ребят и ещё полчаса, наверное, простоял на месте.

Ну, иди, Патрик. Уже почти ночь, а завтра вставать рано. Послушай меня: береги своих друзей. Береги Доминика, никогда не бросай его. Будьте всегда вместе, всегда рядом друг с другом...

– Хорошо, мистер Говард. Я буду, – Патрик закивал, прощаясь с мистером Говардом.

Ещё никогда столько мыслей не крутилось в его голове. Ещё никогда он не был так поражён и одновременно растерян. Все уже давным-давно спали, только Доминик ждал своего друга в комнате, ужасно волнуясь.

– Господи, я чуть не умер. Я же волновался! – Доминик налетел на друга с объятиями, чуть тот вошёл.

Патрик зарылся лицом в рубашку Доминика.

– Ну что там? Выпутал что-нибудь?

– Я люблю тебя, Холл.

– И я тебя. Ну, так что? – Доминика прямо распирало лю-

бопытство.

– Я узнал, что Малкольм Пэрриш был прекрасным человеком. И мистер Говард теперь для меня открыт с другой стороны.

– Он умер, да? – Доминик сам расстроился, глядя на печальное лицо друга.

Патрик ничего не смог ответить, а Доминик лишь сел на кровать рядом с другом и обнял его, когда тот уронил голову на его плечо.

– Мы будем друзьями вечно, Доминик? Я так не хочу тебя терять, как мистер Говард потерял Малкольма Пэрриша... – голос Патрика дрожал.

– Конечно же, будем, Пэтти. Даже не сомневайся в этом.

Друзья так и сидели, обнявшись, а мистер Говард наблюдал за ними через приоткрытую дверь с улыбкой, надеялся, что ни одному из ребят не доведётся испытать того, через что прошёл он. И надеялся, что Малкольм Пэрриш сейчас тоже где-то рядом и смотрит на этих двух непохожих друг на друга людей, которые так близки. Ведь когда-то и Пэрриш обнимал Говарда точно так же.